

Эльдар ВОРОНЦОВ

АЛМАЗНЫЕ ДВЕРИ

Детективный роман

Окончание. Начало в № 8–9, 2024.

Глава 14. Комната, пропахшая лекарствами

За столом Каниша, Таня и Амантай вспоминали детство. Говорить об Алмазе, причинах инвалидности Амантая и прочих страшных событиях, поглядывая на Ержана, избегали.

Даже в машине, когда Канише пришлось описывать исчезновение мужа, брата и старшей дочери, она делала это спокойно, без лишних эмоций. Говорила ровным голосом, словно сказку рассказывала. Про тюрьму ни слова не проронила. Иммель понял и подыграл, соврав, что познакомился с Амантаем в санатории, где, как и он, проходил лечение. На вопрос мальчика, отчего его дядя не давал о себе знать, Каниша намекнула, что тот женился на Татьяне против воли родителей, а потом, попав в страшную аварию, не захотел быть для родственников обузой. Неизвестно, насколько поверил в услышанное Ержан, но правила игры принял и неудобных вопросов не задавал. А за столом так и вообще не до того было – баба Таня столько еды вкусной наготовила... Даже если помаленьку всего попробовать, то лопнуть можно. Ержан так наелся, что не заметил, как задремал, откинувшись на высокую спинку мягкого стула. Валентин посмотрел на Татьяну, и та, понимая моргнув, удалилась вглубь дома, дав понять Иммелю, куда отнести ребенка. Валентин Иванович поднял худенького Ержана на руки и последовал за Таней.

– Дядя Валя, я не сплю, – прошептал мальчик.

– Не спишь, не спишь, – ласково приговаривал Валентин, стягивая с его ног ботинки и укладывая на кровать, с которой Привалова уже сдернула пестрое покрывало. – Просто полежишь, отдохнешь и будем чай пить.

– Ты сюда мою тросточку принеси! – еле ворочая языком, распорядился Ержан, не открывая глаз.

– Обязательно, – улыбнулся Иммель.

Плотно закрыв за собой дверь, они с Татьяной вернулись к столу.

– Уснул? – коротко поинтересовался Амантай.

– Спит как сурок, – ответила мужу Татьяна, – умаялся мальчик, наверное, впервые на машине в такую даль ехал...

– Это хорошо, – не дослушал супругу Амантай. – Мне нужно перед сестрой покаяться, да и рассказать многое про нас с тобой, Танечка.

Казалось, что слова даются ему с трудом. Его бледно-сероватое лицо стало белым как полотно, а на лбу выступили бисеринки пота.

– Тебе плохо! – охнула Привалова. – Давай я тебя тоже на кровать уложу.

– Если только в моей берлоге, – превозмогая боль, ответил Амантай. – У меня там не так нарядно, конечно...

– Что еще за берлога? – заволновалась Каниша. – Ты разве не здесь живешь?

– Эх, подруга, не всё так просто, – укоризненно сказала Татьяна и выкатила мужа из-за стола. – У нас тут большие проблемы... Очень большие! Полгода назад онкологию обнаружили... Вот твой братец с тех пор отказался наотрез со мной в одной спальне спать...

Привалова говорила о смертельном недуге мужа так буднично, будто это её уже не волновало. Как врач, Турсунова частенько общалась с подобными больными и их родственниками. Только когда это не касается тебя и твоих близких, легко давать рекомендации и советовать не нервничать, напоминая, что доброжелательная атмосфера в доме сама по себе продлевает жизнь. Сейчас же ей хотелось кричать и плакать. Сжав губы, она наблюдала, как в соседней комнате Татьяна помогает мужу перебраться на расстеленную кровать, подает лекарство и стакан воды, а затем, отодвинув кресло-каталку в угол и пошептавшись с Амантаем, пододвигает к кровати узкую скамейку.

– Вы знали? – Каниша требовательно посмотрела на Валентина.

– Нет, – тихо ответил Иммель. – Знал, что аденома... Надпочечника, кажется. Но она же доброкачественная? Да и Аман лекарства постоянно принимал... Как же так?

К столу подошла Татьяна и указала глазами на комнату, где отдыхал муж:

– Ступай, Каниша, брат зовет!

Войдя в комнатку, Каниша вспомнила свое видение, которое посетило её на ложном вызове. Как и в прошлый раз, она стояла посредине тесного помещения, насквозь пропахшего лекарствами, только теперь перед ней на кровати лежал Амантай.

– Здесь не так красиво, как в зале, – криво усмехнулся он. – Но ты ничего такого не думай. Я сам не разрешаю Танюшке часто убираться. Лежу как медведь в своей берлоге. Знаешь, одному вроде как легче. Видеть никого не хочу. Вот Татьяна всё суетится, добивается направления на операцию... А я не хочу! Я, сестренка, жить устал...

– Прекрати! – как можно бодрее произнесла Каниша. – Я врач и связи кое-какие у меня имеются. Договорюсь в Алматы, прооперируем, и всё наладится.

– Спасибо, моя красавица, но это пустое... Сказал нет, значит, нет! Ну да ладно, потом о пустяках. Сейчас мне нужно объяснить, как тогда всё случилось. Садись на скамейку!

Глава 15. Назад в прошлое

Афера с джипами срослась лучше, чем ожидали. Списанные машины Эдик продал дороже, и в результате сорванный куш составил целых шесть миллионов долларов. Доля Алмаза, которую он по-братски разделил с Амантаем, составила два миллиона. От обладания такими деньгами у Амантая кружилась голова! Турсунов уже намечал, как потратит свою часть. Но Алмаз категорически запретил другу светить бабками.

За годы сотрудничества с Эдиком и Лукой Алмаз изменился. Он уже не был тем бесшабашным пареньком, мечтающим о крутой тачке и путешествиях. Теперь он мечтал о власти и авторитете, о собственном бизнесе и вложениях в недвижимость.

– Два ляма на двоих – это пшик! – доказывал он Амантаю. – Скажу больше, в ближайшее время таких доходов пока не предвидится. Нужно затаиться и преумножить капитал.

– В банк положим или под проценты кому-нибудь займем? – предположил Амантай.

– Ни то и не другое, – отрезал Алмаз. – В банке придется объяснять происхождение денег, а кредитор кинуть может.

– Тогда что?

– Остаются бриллианты! Цветные, крупные камни – я тебе про это уже говорил. Поверь, разговаривая в Якутии с нужными людьми, я сам кое в чем стал

разбираться. Камни – лучшее вложение! Лука и Эдик деньги именно под бриллианты делали. А они умнее нас. Ну что, согласен?

– Согласен! – выдохнул Амантай.

В муже сестры он был уверен больше, чем в себе. Алмаз и хитрее, и расчетливее – с ним не пропадешь! Остальными подробностями Алмаз с другом не поделился.

Как, когда и от кого привез камни – неизвестно. Амантай лишь помнил, как впервые увидел алмазы, рассыпанные перед ним на скатерти в гостиной. Как бережно брал в руки каждый камешек и подносил к глазам, не веря в то, что эти розовые, голубоватые и прозрачные, похожие на кривые бусины алмазы стоят целое состояние. Жентуриев наблюдал за другом, как учитель наблюдает за несмышленным первоклассником. С его лица не сходила покровительственная улыбка.

– Я выбрал для нас лучшие! – он хитро подмигнул Амантаю. – Только про это ни одна живая душа знать не должна.

– И где мы их спрячем? – глядя, как Жентуриев аккуратно ссыпает драгоценности в бархатный мешочек, спросил Амантай.

– Не парься! Самый лучший тайник я уже давно подготовил.

– Тайник?!

– Да! И установил в таком месте, что никто в жизни не догадается и не найдет!

Вскоре после этого в России прихлопнули «коллекторную цепочку». Дело было громким.

Лука и Эдик были вне себя от бешенства. Ведь мало того, что там зависла их предоплата, переданная в последнюю поездку по просьбе одного надежного продавца, так еще и перекупщик из Америки, с которым они работали, зря прождал очередную партию.

Не прошло и недели, как с неизвестного номера Алмазу позвонила Инга. Оказалось, эстонку сдал кто-то из продавцов.

– Передай своим, чтобы немедленно разрулили все мои проблемы! Я скажу, кому дать денег! – кричала Инга. – Я столько для вас сделала! Вы не можете вот так просто взять и наплевать на меня.

Алмаз честно передал боссам просьбу эстонки, но те только рукой махнули.

– Забей на эту шкуру! Вот если бы она нам камушки предложила, тогда можно было бы и вписаться. А так... Какой смысл?

При следующем разговоре он сообщил бывшей любовнице, что ничем помочь не может и что она могла бы рассчитывать на поддержку при условии, что у нее есть что-нибудь на продажу.

– Что-нибудь на продажу?! А что, я, пожалуй, продам! – истерически рассмееялась эстонка и бросила трубку.

И она продала Алмаза! Она даже передала перечень его камней с подробным их описанием. Вот и всё! *Finita la commedia!*

Звонок разбудил Жентуриева в три часа ночи.

– Слушай сюда, черт! – угрожающе произнес незнакомый хриплый голос. – За свою хитрожопость – ты наказан! Если завтра ты не привезешь всё до единой «бусинки», куда я прикажу, тебе конец! Твою дочурку посадят на цепь, а тебе перед смертью отрубят руки и ноги! Понял, дебил?

Кое-как справившись с волнением, Алмаз даже поначалу попытался спорить, что он выкупил товар на свои деньги и эта часть принадлежит ему.

– Нет у тебя ни товара, не денег, недоумок! Делай, что я сказал!

Узнав от друга про ночной звонок, Амантай впал в панику.

– Отдай им всё! Мы потом еще заработаем, – умолял он.

– Нет! Не заработаем! – выкрикивал Алмаз. – Никогда и нигде мы больше столько не заработаем! Неужели ты не понимаешь? Нам нужно их перехитрить... Нам нужно бежать... У тебя сколько есть налички?

– Тысячи три долларов, – честно ответил Амантай.

– Бери всё и к трем подъезжай ко мне на квартиру. Мы не должны оставлять Эльвирочку. И перестань трястись, я уже всё придумал!

Явившись, как и договаривались, к квартире сестры, Амантай увидел стоявшего у подъезда друга. Алмаз нервно курил и то и дело поглядывал по сторонам.

– Пошли! – сухо скомандовал он. – Дома стой и помалкивай, мне нужно выпроводить Розу.

После ухода Эльвирочкиной няни Алмаз быстро собрал немного детских вещичек и документы, приказав Амантаю одеть малышку потеплее. Турсунов исполнял команды словно послушный робот. Руки парня дрожали, когда он, сменив девочке памперс, натягивал на нее колготки. В висках стучала кровь, и он не обращал внимания на то, чем занят Алмаз.

Они уходили как настоящие шпионы. Спустившись, не вышли на улицу, а зашли через заднюю дверь в продуктовый магазинчик, расположенный на первом этаже дома. В сопровождении продавщицы пересекли торговый зал и оказались на пандусе для разгрузки товаров, к которому была припаркована «Газель» с разрисованным рекламой молока фургоном. Видимо, Алмаз подготовился основательно. Передвинув внутри фургончика коробки, он указал Амантаю на груды новых матрасов, где они все и разместились.

– Куда мы едем? – немного успокоившись, спросил Амантай, поглядывая на дремлющую у него на руках Эльвирочку.

– Едем куда велено, – хмыкнул Алмаз, – в район Первой Алматы. Но остановимся подальше, около магазина. Там я выйду и до нужного места отправлюсь пешком. Вы уж тут без меня не скучайте, ждите!

Он даже попытался улыбнуться.

– Если через два часа я не вернусь, уезжайте в Кокчетав. Я с водилой договорился и дорогу оплатил.

– Верни ты им эти чертовы камни, – прошептал Амантай. – Жили без них и дальше проживем.

– Может, и верну, если договоримся! – хохотнул Алмаз. – Чем мы хуже Луки и Эдика? В жизни как себя поставишь, так к тебе и будут относиться...

Амантай ждал до рассвета. Алмаз не пришел. Амантай принял решение уезжать.

На трассе, около придорожной кафешки, сделали остановку. Водитель, пожилой кореец, представившийся Юрием, помог Турсунову умыться, переодеть и накормить малышку.

– Документы на девочку хоть есть? – сочувственно спросил он.

– Не знаю, может быть, в сумке, – еле соображая, ответил убитый горем Амантай.

– Знать не хочу, что там у вас с тем парнем произошло, но уверен, что останавливаться у знакомых или родственников тебе будет опасно. Ладно ты, лось здоровый, но ребенка пожалеть нужно.

– А что делать? – растерянно спросил Турсунов.

– Деньги есть?

– Есть! – Амантай распахнул куртку и, вытащив из внутреннего кармана пухлое портмоне, протянул мужику. Расстегнув молнию, кореец присвистнул от удивления. Но, отсчитав ровно тысячу долларов, вернул остальное пассажиру.

– В пригороде есть детский дом, у меня там дальняя родственница поваром работает. Пристроим через нее девочку на время. А ты, когда с делами разберешься, заберешь! Понятно?

– Понятно, – кивнул Амантай и торопливо добавил: – Спасибо вам!

– Да пожалуйста! Только тебе мне помочь нечем, сам выкручивайся. Но не унывай! У корейцев знаешь, как говорят, – если даже небо рухнет, отверстие, чтобы вылезти, найдется!

Сделали так, как посоветовал Юрий. Пристроив Эльвирочку и клятвенно пообещав вернуться за ней в ближайшее время, Амантай снял в Кокчетаве недорогую квартиру и залег на дно. Он прекрасно понимал, что навещать местных родственников или звонить и ехать в Володаровку к родителям ему не следует. Купив телефон с новой симкой, он тупо сидел в квартире и ужасно переживал за сестру. Тогда в одиночестве он и пристрастился к бутылке. Алкоголь притуплял душевную боль, но делал одиночество невыносимым. Однажды Амантай заметил, что начал разговаривать сам с собой – испугался не на шутку и позвонил Танюшке.

Быстро оседлав свою красную «Ниву», Привалова примчалась в тот же день. Столько лет безответно любившая Амантая девушка стала для него единственным на земле человеком, которому он мог доверять. Он рассказал ей обо всём! Татьяна стала его глазами и ушами. Без лишних вопросов Привалова слетала в Алматы и, расспросив соседей Каниши, узнала об обысках в квартире подруги, наездах криминальных личностей и милиции.

– Получается, Алмаз не отдал бандитам бриллианты, и они станут искать меня, – сокрушался Амантай, выслушав Таню.

– Пусть ищут, – успокаивала его та. – Поищут, поищут и перестанут. Мама говорила, что дядя Биржан и тетя Айгуль собираются в Алматы. Вот уедут, и ты ко мне переберешься. После их отъезда вряд ли тебя в Володарском искать будут. А мои родители никому про нас не скажут. Не переживай! Всё наладится, Эльвирочку мы обязательно заберем, и я придумаю, как отвезти её Канише. Сейчас за деньги любые вопросы решить можно.

Татьяна верила в то, что говорила от чистого сердца. Да она за Амантая могла жизнь отдать! Она любила и принимала его целиком, со всеми слабостями, проблемами. Боготворила просто за то, что он есть на белом свете, и была рядом с ним счастлива.

Через три недели свиданий Танюшка поняла, что беременна, однако делиться этой новостью с любимым не собиралась. Не до того ему сейчас. Да и вообще, даже если Амантай не захочет на ней жениться, она поймет. Главное, что рядом с ней на всю жизнь останется его частичка – сынок или доченька.

За себя Привалова не беспокоилась – работа бухгалтера в поселковой администрации у выпускницы финансового колледжа имеется. Крепкий дом ей родители еще год назад подарили. В общем, к рождению ребенка молоденькая Таня готова на сто процентов.

В тот день, сразу после работы, прихватив из дома банки с соленьями, Таня, как обычно, рванула в Кокчетав. По трассе до города всего девяносто километров, и лихачка была уверена, что успеет накормить любимого вкусным ужином. Что пробила колесо, заметила, когда «Ниву» наклонило и резко занесло к обочине. Повезло, что эта неприятность случилась у придорожного СТО. Выскочив из машины, Танюшка побежала в мастерскую.

– Здравствуйте! Мне бы колесо перебортовать! – нетерпеливо крикнула она, заглянув в темный просторный ангар. Около стены, напротив смотровой ямы, стоял обшарпанный стол, рядом с которым на облезлом табурете вос-

седала весьма колоритная дама азиатской внешности. Другого слова и не подобрать – величавая пожилая женщина не сидела, а именно восседала, гордо приподняв подбородок и кутаясь в потрясающей красоты национальный шапан пурпурного цвета, расшитый золотой вышивкой и яркими камнями. Голова незнакомки была по-особенному покрыта белоснежным платком.

– Ой! Доброго вам дня! – обратилась к нарядной особе Таня. – А где все мастера?

– Подойди сюда, девочка, у меня к тебе разговор, – приятным грудным голосом произнесла женщина.

Танюшка резво подскочила к столу, заглянув по пути в яму, из которой доносилось странное шебуршание.

– Если ты доедешь до места, куда так спешишь, то потеряешь ребенка, а если не доедешь, то потеряешь любимого. Тебе выбирать! – равнодушно, чеканя каждое слово, произнесла дама в дорогом наряде.

Таня остолбенела. Ну вот зачем эта тетка её пугает? Хамить старшим не в приваловских традициях. Поэтому девушка только досадливо махнула рукой и покинула ангар, чтобы поискать рабочих снаружи.

Из смотровой ямы выскочил огромный сине-серебристый волк и, посмотрев умными глазами на сидящую женщину, лег у её ног.

– Я не могла иначе, – грустно произнесла та и ласково погладила зверя по густому искрящемуся меху. – Умай всегда говорит правду людям, а те уж сами должны думать, как ею распорядиться.

– Эй, красавица, ты как замок открыла? – около топтавшейся на улице Тани появились двое работяг в засаленных комбинезонах и накинутых на плечи фуфайках. – На минуту отлучиться нельзя!

– Тут открыто было, – удивилась Таня. – Там внутри вас еще какая-то странная особа дожидается.

– Нет тут никого, – хохотнул один из ремонтников, перешагивая порог ангара. – Давай, говори, чем помочь надо?

* * *

Около подъезда Амантая стоял милицейский уазик. Ну стоит и стоит, мало ли. Не факт, что охранники правопорядка здесь по делу, они ведь тоже люди, может, на чай заехали. Танюша легко взбежала на второй этаж и позвонила в дверь. Подождала и снова позвонила. Она явно слышала за дверью шорохи и шаги, но Амантай почему-то не спешил открывать.

Таня была девушка упорная и сдаваться не собиралась. Она вжала и не отпускала кнопку, пока не услышала родной голос:

– Уходи, Наташа, сегодня мне не до тебя! Уходи!

«Неужели снова начал выпивать?» – с тревогой подумала девушка и на всякий случай повторила попытку.

– Наташа! Вон пошла! – рявкнул из-за двери Амантай.

У Тани заколотилось сердце. Это не просто так! Амантай, даже когда выпивал лишнего, никогда не был с ней груб. Там внутри квартиры что-то происходит!

– Если не откроете, я вызову полицию! – закричала она и стала звонить в соседские двери. – Люди! Помогите! Человека убивают!

Некоторые двери приоткрылись, и раздались возмущенные голоса. Один мужчина с первого этажа даже поднялся на пролет, держа в руках битую. В этот момент дверь распахнулась, и Таня увидела лежащего в луже крови Амантая. На нем не было живого места, всё тело любимого было в кровотокающих ранах. Таня выронила сумку и, попятившись, наткнулась на мужика с битой. Не говоря

ни слова, он вырвала у него оружие и, замахнувшись, с размаху припечатала им первого, кто выскочил из открытых дверей.

– Сука... – взвыл тот, развернулся и пнул Привалову в живот. Таня отлетела к стене, но через секунду нанесла обидчику новый удар прямо по лицу. Раздался хруст, и нападавший, свалившись на ступени, забился в конвульсиях.

– Убери биту, дура! – из двери появился смуглый детина с ножом в руке. – Это наш город! Я тебя найду и порву как Тузик грелку!

Сосед с первого этажа предусмотрительно ретировался с поля боя. Остальные двери тоже захлопнулись.

Наверное, такой адреналин испытывали на манеже гладиаторы. Таня не чувствовала ни страха, ни боли. Ярость, ненависть и желание убить гада, который мучил Амантая, были её единственным желанием. Чувства обострились. Не спуская глаз с громилы и держа биту наизготове, она заметила, как, держась за стену, встает на ноги Амантай.

– Получается, врал твой дружок, – смачно плюнув на пол лестничной площадки, сквозь зубы процедил громила. – Говорил, что проститутку ждет. Нет, ты не проститутка, ты баба его... Может, это ты камушки прячешь?

Таня решительно замахнулась битой, но бугай ловко увернулся и схватил её за запястье.

– Ну убей меня! – прошептала Привалова и, встав на носочки, плюнула в ненавистную рожу.

– Нет, Наташа! Легкой смерти не будет, – прошипел громила и навалился всей тушей, прижав девушку к соседской двери.

Дальше всё было как в тумане – дверь за её спиной поехала назад и кто-то, схватив её за ворот куртки, резко дернул книзу. От неожиданности Танюха повалилась на пол. Потом стало трудно дышать и заслезилась глаза. Две мощных струи из газовых баллончиков зашипели над головой, прямоком попав в лицо бандита. Таню проволочки в коридор и захлопнули дверь. Откашлявшись и продышавшись, она с удивлением уставилась на двух худеньких девушек с длинными косами, присевших около нее на корточки.

– Вы кто?

– Умит и Махаббат, – почти в унисон ответили те. – Мы тут, как и твой парень, квартиру снимаем.

За дверью послышалась суета. Прильнув к дверному глазку, она увидела на площадке милицию.

– Спрячься под кровать, – велела Умит, – лежи как мышь. Мы скажем, что боялись и ничего не видели.

В дверь позвонили.

Лежа под кроватью, Танюша вслушивалась в долетающие из прихожей звуки. Говорили по-казахски. Она поняла лишь то, что милиционер спрашивал, были ли девчонки свидетелями двойного убийства, которое совершил их сосед из квартиры напротив, и знают ли они, кто он такой. Девушки всё отрицали и просили оставить их в покое.

Позже выяснилось, что опрысканный из баллончика битюк вернулся в квартиру Амантая, чтобы промыть глаза. Там, в ванной, Амантай и ударил его несколько раз ножом. Нападавшие оказались милиционерами, они пытали брата, чтобы тот сознался, куда спрятал Эльвирочку, но так ничего и не добились. На суде Амантай взял вину за оба трупа на себя.

Пинок в живот не прошел даром, ребенка сохранить не удалось. Пришлось делать искусственное прерывание беременности, которое прошло не совсем гладко, и, подхватив тяжелое воспаление, Танюша почти месяц провела в боль-

нице. Выписавшись, она первым делом принялась разыскивать Амантая. Однако вмешались родители. Они сообщили, что он умер в СИЗО, откуда его, якобы, забрали Биржан и Айгуль. А еще от имени Турсуновых они передали Тане, чтобы та не тревожила Канишу, которой нужно думать о будущем ребенке и как можно скорее забыть случившееся.

Сначала Таня хотела, несмотря на запреты, всё-таки позвонить бывшей подруге и рассказать про Эльвирочку, но передумала, решив сначала разузнать всё о девочке.

В детском доме Таню тоже ждало разочарование. Маленькую Эльвирочку удочерили и увезли в неизвестном направлении. Нет, такое уж точно говорить Турсуновым не следует.

Единственным плюсом тех страшных событий было для Танюшки обретение новых подруг – Умит и Махаббат, или, как она называла их, Надежда и Любовь. Как позже выяснилось, девочки учились на юридическом факультете Кокчетавского университета, и позже, став отличными юристами, именно они помогли Приваловой вытащить Амантая из тюрьмы. Они и по сей день дружат.

Глава 16. Новая опасность

Узнав о том, что пришлось пережить брату и подруге, Каниша укорила себя за дурные мысли. Ведь еще по дороге в Саумалколь она думала лишь о том, как Амантай и знавшая всё Татьяна перед ней виноваты, как могли молчать и прятаться долгие годы.

Утомленный длинным рассказом, Амантай уснул. Каниша погладила брата по тонкой руке и вышла. В соседней комнате сладко посапывал Ержанчик. Каниша вернулась в гостиную и, не обнаружив там ни Тани, ни Иммеля, поспешила во двор. Как выяснилось, неумная хозяйка уже всю эксплуатацию гостя. Вооружившись лопатой, тот вскапывал землю у заборчика под чутким Таниным руководством. Каниша не стала вмешиваться в процесс и уселась на ступеньки крыльца, задрав голову к небу, в синеве которого парили редкие пушистые облака.

Известие о том, что Эльвирочка не погибла, согревало душу. Жаль, конечно, что по закону, а уж по простествии стольких лет тем более, никто не скажет, где ей искать свою старшую доченьку. Эх, найти бы! Хотя одним глазком взглянуть, убедиться, что девочка жива и здорова. Да какая девочка? Эльвирочке уже тридцать два, и у нее, наверное, свои дети подрастают. А еще ей не давала покоя мысль, что Амантай ждал Алмаза где-то среди домов неподалеку от железнодорожного вокзала «Алматы-1», ведь именно туда они с Иммедем приехали на ложный вызов, именно там с ней произошло то, что Шапиро предложил называть «виденьем». От посетившей её догадки по телу пробежали мурашки. В кармане громко зазвонил телефон.

Ну как тут не поверить в телепатию? Только вспомнила про Соломона Натановича, и он уже звонит. «Нужно попросить его о встрече и рассказать о том, как нашла брата», – подумала Каниша, поднося телефон к уху.

– Каниша, Каниша Биржановна, – первым заговорил профессор, – у меня неприятности... Этой ночью обокрали мой рабочий кабинет. Я вот только что из полиции вышел, но мне там дали понять, что заводить дела они не станут...

– Соломон Натанович, вас ограбили? – разволновалась Каниша. – Чем вам помочь? Может, деньги нужны?

– В том-то и дело, что это какое-то странное ограбление. Похитили одну-единственную вещь... Тот диктофон, на который я записывал наше с вами общение.

– Ну и ладно, – выдохнула Каниша, – это ерунда.

– Нет, не ладно! – нервно проговорил Шапиро. – На той записи история всей вашей жизни. Каниша, мне кажется, вы в опасности. Я чувствую, это не просто так. И еще... Вы меня, конечно, извините, но я возвращаюсь в Израиль. Это событие выбило меня из колеи, и я больше не хочу оставаться в Алматы. При желании можем общаться по телефону. До свидания!

– Чего загрустила, подруга? – На ступеньки, тяжело дыша, присела Татьяна. – Не печалься, уговорю я твоего братика и на операцию, и на протез, если ты, конечно, хороший раздобудешь. У меня чувство такое, что теперь обязательно всё наладится. Вот поначалу даже тебя встретить боялась, думала, придет городская штука и истерику закатит. Перебьет мне, понимаешь, банки с вареньем, – обняв Канишу за плечи, хохотнула Таня. – А сейчас смотрю на тебя, а ты всё такая же – добрая, понимающая... родная. Давно надо было мне к тебе в Алматы приехать.

– Тань, а ты, когда в детдом ездила, случайно не разузнала, кто Эльвирочку удочерил?

– Знала, что спросишь... Да только зачем тебе это? Поверь, её в нашей стране нет.

– Ты знаешь, где она? – отпрянула Каниша.

– Да не кричи, Амантай спит, и внучек наш спит... Не знаю, но предполагаю. Её удочерила одна из работниц того детского дома, некто Анна Хекенен, и сразу после этого уехала в Финляндию. Мне это повариха рассказала, которую я на обратной дороге согласилась до дома подкинуть. Знаешь, разговорчивая такая кореянка. Оказалось, это её троюродный брат девочку оставил. Сказал, что спрятать нужно, иначе её бандиты в заложники возьмут.

Анна Хекенен, Анна Хекенен... Перед глазами всплыл образ пожилой туристки из Финляндии.

– Спасибо, Танечка! Но мы домой поедem... Я тут кое-что срочное вспомнила.

– Да как так-то? – всплеснула руками Привалова. – Почему? Я думала, хоть пару денечков побудете...

– А мы теперь не расстанемся никогда! – улыбнулась Каниша. – Мы теперь навсегда вместе.

Валентин не сопротивлялся, лишь попросил дать ему перед дорогой принять душ и немного поспать. Больше всех сокрушался изменению планов Ержанчик, но, узнав, что все оставшиеся пироги и сладкие булочки тетя Таня снаряжает им в дорогу вместе с банками грибов и солений, успокоился.

– Я думала, завтра до моих стариков с тобой сходим, – прощаясь, повторяла Татьяна. – Ждут ведь...

– Таня, я обязательно вернусь, а потом вы к нам приедете.

– Мы-то? – неуверенно произнесла Привалова. – Всё, нет у нас машины... Продали мы старушку...

И, сжав Канишу в крепких объятиях, зашептала ей в самое ухо: «Ты правда бриллианты те не нашла? Амантай говорит, они сейчас уйму денег стоят! Я не осуждаю... Брат и муж тебе много горя причинили... Но ты же сейчас Амантая видела – умирает он. Если разбогатела, помоги брату!»

На обратном пути в Астану не заезжали. Уложив Ержанчика на заднем сиденье, с редкими остановками, домчали до Алматы за двадцать часов. К дому Каниши подъехали глубокой ночью. Стараясь не разбудить мальчика, Валентин бережно нес его на руках. Около квартиры Каниша замешкалась, доставая из сумочки ключи, но тут дверь отворилась сама...

На пороге её прихожей стоял коренастый круглолицый мужчина. В правой руке он держал направленный на нее пистолет, а поднесенным к губам указательным пальцем левой давал понять, что открывать рот никому не следует. Иммель попытался отступить назад, но с лестницы, ведущей на четвертый этаж, неслышно спустились еще двое и, не проронив ни слова, подтолкнули его к открытой двери.

– Уложите ребенка и ступайте на кухню. Да не тряситесь – никто никого убивать не собирается, – прошептал по-казахски тип с пистолетом.

На кухне Валентин и Каниша без труда узнали визитеров. Эта была та самая троица, с которой они столкнулись два дня назад на заправке перед Астаной. Круглолицый по-хозяйски уселся за столом и, сцепив в замок руки, слегка постучал ими по столешнице. Двое других тут же усадили Валентина и Канишу напротив главаря, а сами заняли место около двери.

– Слушайте меня внимательно, – не повышая голоса, произнес главный из троицы. – Говорю один раз и повторять не стану. У вас ровно неделя на то, чтобы вернуть камни. Мне плевать, где вы их спрячете, – он обвел тяжелым взглядом сидящих напротив. – Я не экстрасенс и не знаю, кто там из вас «первая дверь», «вторая дверь», – он вытащил из кармана диктофон Шапиро и постучал по нему пальцем. – Расклад такой: я получаю алмазы – вы обретаете покой и безопасность. Другого не дано.

– Я правда ничего не знаю, – с мукой на лице прошептала Каниша.

– Хватит цирка! – перегнувшись через столешницу, прошипел круглолицый. – Тридцать лет прятала, пришло время вернуть.

– Да нечего мне вам возвращать, – простонала Турсунова. – То, что на этой записи – это не больше чем сон... Да поймите вы, мне могло всё привидеться.

– А я думал, ты ясновидящая... Как ты вообще оказалась в том доме, где сдох твой муженек? Что ты там вынюхивала?

У Валентина заходили желваки, он резко вытянул руки и, схватив круглолицего за уши, припечатал челюстью об стол. Трюк был проделан так стремительно, что охранявшие дверь бандиты не успели среагировать.

– Рыпнетесь, я ему шею сверну, – пригрозил Иммель.

– Валентин Иванович, Валентин, Валюша, – дрожащим голосом стала упрашивать Каниша. – Отпустите его... Там ведь Ержанчик! Пожалуйста, отпустите.

Валентин медленно разжал пальцы и, тихо выругавшись, откинулся на спинку стула.

Круглолицый, не отводя от Иммеля ненавидящего взгляда, потер подбородок. Из уголка его рта сочилась кровь.

– Я тебя на нарах сгною, – прошипел он. – Не хотите по-хорошему, будет по моему! У вас ровно неделя...

Он кивнул своим нукерам, и троица покинула квартиру.

– Что делать, Валентин? – не заметив, как перешла с Иммелем на ты, с отчаянием в голосе произнесла Каниша. – За неделю ничего не изменится...

– Неделя – огромный срок... – отозвался Иммель. – За неделю мы можем что-то предпринять! А если ничего не получится, я продам свою квартиру, машину, а еще у меня есть небольшие сбережения. Ты можешь тоже продать квартиру... На худой конец мы отдадим им деньги и уедем... Уедем к моим родителям в Германию, они всё поймут. Но сначала расскажи мне всё! Про сон, про видение, расскажи, о чём шептались с Амантаем, и вообще всё, что может иметь отношение к происходящему. Одна голова хорошо, а две лучше!

– Как скажешь, – устало согласилась Каниша и встала, чтобы заварить крепкого чая. Этой ночью спать им не придется.

Глава 17. Комната с камином

Каниша проснулась от громкого хохота Ержана, доносящегося с кухни. Часы показывали одиннадцать. Подскочила как ужаленная, накинула халатик и поспешила кормить внука.

Волновалась напрасно. За столом, уплетая жареную яичницу с сыром, оживленно беседовали Ержан и Иммель.

– Ну дядя Валя, ну скажите, в какую игру вы с бабушкой всю ночь играли? А то не отдам вам этот листок!

Мальчишка помахал над головой исписанной бумагой, на которой они с Валентином после длинного разговора пытались накидать план действий да так и оставили на столе, разбредая по комнатам, когда уже были не в силах сопротивляться навалившемуся сну.

– Пункт первый, – выкрикивал Ержан, – найти Анну Хекенен. Пункт второй, понять, кто такие Лука и Эдик. Пункт третий – связаться с Умит Юсуповой и попросить составить фотороботы. Пункт четвертый, съездить по адресу ложного вызова, расспросить про Миржана Сабитова. Пункт пятый, найти риэлтора и, на всякий случай, прицениться. Вы в полицейских играли, что ли?

– Угадал, – отобрав у мальчика листок с записями, улыбнулась Каниша.

– А карточка гида турагентства вам зачем? Мы что, в путешествие поедем? – Ержан покрутил в пальцах визитку гида Тимура, которую ночью разыскала Каниша, чтобы утром позвонить и расспросить про Анну. Она хотела направиться в спальню за телефоном, но Иммель сообщил, что уже позвонил сам, представился её мужем и что через два часа Анна будет ждать их в гостинице.

– А как ты ей объяснил цель нашего визита? – поинтересовалась Турсунова.

– В лучших традициях детективных сериалов, – признался Валентин. – Сказал, что я по профессии журналист и, узнав от тебя о вашей беседе в парке, мечтаю взять у нее интервью.

– Бабушка, а хочешь я скажу тебе страшный секрет про дядю Валю?! – интригуяще произнес Ержан.

– Какой еще секрет? – напряглась Каниша.

– Страшный-престрашный!

– Эй, джигит! – шуливо нахмурился Иммель. – Даже не смей рассказывать про такое бабушке!

Каниша тревожно посмотрела на Валентина. Новый секрет... Вот только этого ей сейчас не хватало!

– Ладно, валяя про мой секрет, а то бабушка уже переживает, – нарочито вздохнул Валентин.

– Дядя Валя храпит как слон! Он так храпит, что стены дрожат...

* * *

До отеля «Вояж», расположенного недалеко от Дворца спорта, добрались быстрее, чем планировали. Каниша еще раз пересмотрела прихваченные из дома детские фотографии Эльвирочки и с нетерпением поглядывала на циферблат часов.

– Да пойдем уже, – предложил Валентин. – Ну подумай, на двадцать минут раньше поднимемся к старушке... На тебе уже лица нет. Всё, выходи из машины.

Среди стильного интерьера холла гостиницы с яркими оранжевыми диванчиками, малиновыми артхаусными креслами, большущим аквариумом и обилием ваз с цветами Турсунова разволновалась еще больше – ей нечасто доводилось бывать в подобных местах. Валентин аккуратно взял её под локоть и прово-

дил до ресепшен, где улыбчивая девушка объяснила, как найти нужный номер и сказала, что предупредит мадам Хекенен о приходе гостей.

Из приоткрытой двери был слышен радостный голос Анны. Она громко разговаривала с кем-то на финском. Каниша для приличия постучала кулачком о дверной косяк.

– Входите! Входите! – на секунду прервавшись, крикнула Анна и снова зачистила что-то на финском.

Старушка сидела в кресле около журнального столика и с умилением смотрела на экран стоящего перед ней ноутбука. Двое очаровательных детишек пяти-шести лет взахлеб рассказывали ей, по всей вероятности, что-то интересное.

– Это мои внуки, Роберт и Хелен, говорят, что приехали в наш «мекке», в наш загородный домик, а там соседская собака родила щенков.

Анна повернула экран так, чтобы Иммель и Каниша могли увидеть внуков получше, и что-то быстро сказала детям. Ребятишки на экране замахали ладошками и сказали: «Хай!»

«Хай!» – улыбнулся Иммель и тоже помахал в ответ детям. В отличие от него, Каниша не могла проронить ни слова, она лишь жадно рассматривала картинку на экране: диван в цветных подушках и камин с расставленными на нем фигурками муми-троллей.

И тут рядом с детьми появилась высокая полногрудая девушка с пышными волосами. Она с удивлением посмотрела на Турсунову, но Анна уже снова развернула экран на себя.

– Это Эльвирочка, это моя Эльвирочка, – вырвалось у Каниши. – Я её узнала!

– Возьми себя в руки, – прошептал Валентин. – Мы же договаривались, что человека нужно сначала подготовить.

Тем временем Анна закончила разговор и, не снимая с лица счастливой улыбки, наконец-то поприветствовала гостей и предложила им присесть.

– Честно признаться, я была очень удивлена, когда наш гид Тимур сказал, что вы, Каниша, приедете ко мне вместе с мужем брать интервью. Однако в парке вы произвели на меня очень приятное впечатление, и я решила потратить на вас время своего последнего дня в Казахстане. Наша группа завтра уже улетает.

– Благодарим, – искренне произнес Иммель и, протянув руку пожилой путешественнице, представился по имени.

Чувствуя, что не сможет подобрать правильных слов для начала разговора, Каниша молча протянула Хекенен пластиковую папку с фотографиями.

– Что это? – удивилась Анна.

– Посмотрите, пожалуйста, – попросила Каниша.

Анна открыла папку и стала вынимать фотографии одну за другой. Она поняла всё без слов... С множества снимков на нее смотрела дочка Эвачка. Именно такой впервые увидела её Анна много лет назад. На всех фотографиях она счастливо улыбалась, обнимая симпатичную девушку. То, что молодая мать, держащая на руках дочурку, и сидящая перед ней Каниша – это одна и та же женщина, сомнения не вызывало. Удивительно, но Анна не испугалась и даже не разволновалась, как предполагала Турсунова, просто её выражение лица перестало быть доброжелательным.

– Слишком поздно, – произнесла она. – Кроме неприятностей, вы ничего не внесете в жизнь моей дочери. Она ничего о вас не помнит и не знает. Подумайте об этом!

– Да. Я всё понимаю, тридцать лет прошло, – дрогнувшим голосом ответила Каниша. – Я очень, очень вам благодарна, дорогая Анна.

Турсунова попыталась дотронуться до руки финки, но та отклонилась от прикосновения и сожалением посмотрела на гостью.

– Не нужно сентиментов. Я бы хотела, чтобы вы ушли.

– Я могу всё объяснить, – предприняла новую попытку Каниша. – Я просто волнуюсь...

Она не знала, как объяснить Анне, что тогда, много лет назад, над Эльвирочкой нависла угроза. Да как вообще рассказать этой старушке обо всём?! Она ведь может не поверить...

– Уважаемая Анна, мы обещаем, что не нарушим спокойствия вашей семьи, – вмешался Иммель, кинув быстрый строгий взгляд в сторону своей взволнованной спутницы. Канише ничего не оставалось делать, и она согласно кивнула. – Мы просто хотим узнать, как живет Эльвира, простите, Эва... Конечно, Эва! Всё ли с ней хорошо, не угрожают ли её жизни какие-нибудь неприятности? Просто коротко расскажите нам о её жизни, и мы уйдем.

– Да какие неприятности?! – встрепелась Анна. – Эва выросла сильной и умной женщиной, у нее прекрасный муж и здоровые смышленные дети. У нас всё замечательно!

– А где она работает? – как можно мягче спросила Каниша.

– Эва и её муж Пекка – офицеры полиции, – не без гордости ответила финка. – Что еще вы хотите от меня услышать?

– Еще только один вопрос, – просительно промолвила Каниша. – А как вы объяснили дочери её внешность? У нее же азиатская внешность. Как вы избегали расспросов?

– Очень просто, сказала, что родила её от мужчины корейской национальности. Я ведь и впрямь думала, что она кореянка, – ухмыльнулась Хекенен. – А что касается расспросов... Нет, не сталкивались. Финляндия – прогрессивная, цивилизованная страна без предрассудков и гомофобных выпадов. У Эвы было обычное счастливое детство, как у любого ребенка.

Видимо, давая понять, что гостям пора убираться восвояси, Анна сделала вид, что рассматривает что-то в смартфоне.

– Всё! Мы уходим, – скомандовал Валентин, помогая Канише подняться. – А вы бы не могли нам свой номер телефона дать?

– Нет! – коротко ответила Хекенен.

– Ну что ж... Я вас понимаю, – грустно улыбнулся Иммель. – Но вот наши номера на всякий случай запишу. Мало ли? Вдруг все-таки захотите поговорить...

Он уже давно заметил стоящий на столе бумажный кубарик с логотипом отеля и ручку и теперь молча записал на фирменном бланке телефоны.

– До свидания, – сказал он Анне.

– Прощайте! – ответила та и демонстративно отвернулась к окну.

* * *

– Даже телефон не дала, – сидя в машине, расстроено бормотала Каниша.

– Зато и про фотографии не напомнила... Думаю, намеренно их у себя оставила. Да ты успокойся, она тетка нормальная и повела себя верно. Вот ты бы на её месте как на подобный визит отреагировала?

Каниша задумалась. И действительно, что бы она сделала на месте Хекенен? Да сто процентов с лестницы спустила бы бесстыжую мамашу, заявившуюся после тридцати лет разлуки с ребенком. Слушать бы ничего не стала и в полицию позвонила... Главное, что Эльвирочка счастлива! Главное, что теперь она знает, что у нее есть еще двое внуков – Роберт и Хелен.

Глава 18. Умит Юсупова

– Теперь куда? – оставив мысли о встрече с Анной, спросила Каниша.

– Едем на работу к госпоже Юсуповой, буду вас знакомить!

Ночью, когда Валентин услышал от Каниши о девушках, спасших жизнь Тане Приваловой, он сразу воодушевился. Оказывается, друзья давно познакомили его со своими спасительницами-юристками, и он прекрасно знал их обеих. Но больше общался с Умит, которая уже давно жила в Алматы и работала в департаменте полиции.

Умит Юсупова, строгая короткостриженная смуглянка с майорскими погонами на форменном кителе, встретила их фойе здания вместе с долговязым пареньком в очках. Разговаривала отрывисто и постоянно поглядывала на часы. Канишу удостоила лишь беглым взглядом, а вот при виде Валентина лицо потеплело. Судя по всему, здоровяк Иммель был ей симпатичен.

– Арман, – окликнула полицейская своего спутника, – помоги оформить им пропуски и поработай над фотороботами. Как будет готово, перешли мне!

– Ты чего такая деловая? – обиделся Валентин. – Скажи хоть как дела, как муж, дети?

– Всё хорошо, Валентин, мне нужно бежать, совещание через десять минут. Арман вами займется.

Юсупова развернулась и поспешила к лестнице.

В кабинете, заставленном компьютерами, сразу же приступили к работе. Каниша с интересом наблюдала, как на экране появлялись различные формы частей лица. Ей даже не пришлось ничего говорить, так как Иммель со знанием дела управлял процессом сам.

– Да нет же, – морщился Валентин, глядя на картинку. – Говорю, вообще круглое лицо. Ну будто циркулем нарисовали.

Арман стучал по клавишам, и картинка на мониторе тут же менялась.

– Глаза уже и глубже, нос короче, губы толще, брови ниже, – руководил Иммель.

Каниша только ахнула, когда минут через пять с экрана на нее смотрел «круглолицый». Портрет получился очень натуральным. Вслед за главарем были составлены фотороботы «нукеров».

Несколько раз поблагодарив Армана, они с чувством облегчения покинули департамент. После департамента полиции они наконец расстались и разъехались по домам, договорившись быть «на связи».

Однако расставание было недолгим – уже в восемь вечера они сидели в компании Юсуповой в одной из кофеен города, куда Умит вызвала их сама.

Разговор был серьезным. Как выяснилось, вымогать бриллианты в квартиру Каниши заявился небезызвестный в криминальных кругах тип по прозвищу Круглый, он же Ильяс Карашев. Неоднократно привлекаемый правоохранительными органами по делам, связанным с разбоем и ограблением, Круглый, как правило, выходил сухим из воды, лишь единожды отсидев небольшой срок на зоне. В полиции ходили слухи о его «высоких» покровителях и осведомителях в погонах, и это очень расстраивало Умит. Она была уверена, что Карашев уже в курсе об их визите в департамент и установлении его личности.

– Ладно, война план покажет. Завтра с утра напишите заявление, и я попытаюсь сработать на опережение. Может, удастся задержать гада.

В кафе Юсупова выглядела и вела себя по-другому. Наверное, никто из посетителей заведения и представить не мог, что эта стильная дамочка в потертых джогерах и синем худи – майор полиции.

– Заявление... – задумчиво переспросила Каниша. – А в заявлении нужно писать, почему ночью мы были вместе с Валентином? – Ей вдруг показалось, что это как-то стыдно, если она напишет о нем.

– Обалдеть, Иммель! Она что, тебя стесняется? – хохотнула Умит, подмигивая старому знакомому. В наступившей тишине она отхлебнула из своей чашки кофе и пристально посмотрела на Канишу. – Успокойтесь, мы живем в стране, где личная жизнь граждан не касается правоохранительных органов. Согласно Конституции, Казахстан утверждает себя государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы. Пейте кофе, остыл уже поди...

– Мы не станем подавать заявления! Это только разозлит искателей бриллиантов, – неожиданно заявил Валентин. – Думаю, в этом нет смысла. Не Карашев, так другой заявится. А так у нас в запасе целая неделя...

– Может, ты и прав, – покачала головой Умит. – Я со своей стороны вас подстрахую. Распушу дезу, что ваши квартиры на прослушке, посмотрим, что они в ответ придумают. А если честно, мне больше всего не дает покоя вопрос, какого черта поиски этих мифических алмазов, про которые я слышу с момента знакомства с Приваловой, через столько лет возобновились. Вот это бы узнать!

Глава 19. Дежавю

Утро следующего дня прошло впустую. Поездка по адресу «ложного вызова» ничего не дала. Никто из жильцов не знал о Миржане Сабитове и не мог припомнить, что когда-то здесь проживал человек с такой фамилией. Затарившись продуктами на местном рынке, вернулись домой. И пока Валентин сновал вверх-вниз по лестнице, затаскивая в квартиру сумки с продуктами, Ержан расстроено доложил бабушке, что в Казахстане проживает более десяти тысяч Миржанов Сабитовых. Каниша хотела было уже выговорить внуку, чтобы тот без спроса прекратил проявлять инициативу, как в приоткрытую дверь заглянула старушка из квартиры напротив.

– Добрый день, соседи, слава Аллаху, удалось вас дома застать, а то как ни приду, нет никого.

Увидев на полу гору увесистых пакетов, старушка восторженно поцокала языком:

– Гостей ждете?

– Почти, – буркнула Каниша, нетерпеливо поглядывая на соседку.

Ну не объяснять же чужому человеку, что Иммель категорически запретил ей одной выходить из квартиры. Вот и пришлось закупиться впрок. Соседка не уходила и с любопытством заглядывала в сумки.

– Хотите свежей зелени? – предложила Каниша.

– Не откажусь, – обрадовалась соседка и тут же спохватилась: – Ой, старость – не радость, чуть не забыла, зачем пришла. Тут мужчина дня четыре назад приходил – не застал вас. Вот, оставил мне для вас записку, сказал – важно...

Свернутая бумажка переключалась в руки Турсуновой, которая в свою очередь протянула бабушке пакет с зеленым луком и петрушкой.

Затаскивая последнюю поклажу, в дверях появился Валентин. Соседка оглядела его с ног до головы и хитро улыбнулась.

– Не буду вам мешать, Каниша Биржановна... Ваше дело молодое...

Она не успела договорить, как раздался громкий топот, и на лестничной площадке появилось трое парней в камуфляже и бронежилетах. Вслед за ними по ступеням поднялось еще несколько человек в штатском, которые без всяких объяснений переступили порог квартиры.

– Ойбай... – пропищала соседка и засеменила к своей двери.

Двое парней молниеносно защелкнули стальные браслеты на запястьях ошарашенного Иммеля.

– Отпустите дядю Валю! Снимите с него наручники! Ненавижу вас! – закричал Ержан.

Каниша видела, как от напряжения вздувается на худенькой шейке внука вена, и чувствовала, как черный зев бездны затягивает её в свое отвратительное нутро. Она хотела вздохнуть, но не смогла... Она разучилась дышать и, расслабившись, стала погружаться во тьму.

– Бабушке плохо! – завизжал Ержанчик. – Эй, вы! Бабушке плохо!

«Я не могу уйти! Я не должна так уйти!» – Каниша закашлялась и пришла в себя!

– Всё хорошо, Ержан! Со мной всё хорошо! Ничего не бойся, это какая-то ошибка.

– Вам нужно присесть, – сухо произнес одетый в штатское молоденький паренек в очках и с папкой в руке. Он поднес к глазам Турсуновой удостоверение. Перед глазами всё плыло, она лишь смогла разобрать слово «полиция».

– Я присяду, но только рядом со своим другом, мне так спокойнее, – ответила Каниша и, зайдя в свою спальню, опустила на край дивана, на котором уже сидел хмурый Иммель.

– Гражданка Турсунова, у меня имеется постановление на проведение в вашей квартире следственных мероприятий. Сейчас мои помощники приведут понятых, и мы приступим к обыску. По поступившей в следственный отдел информации, у вас квартире хранится незарегистрированное оружие и другие боеприпасы.

Каниша безразлично кивнула.

– Заводите свидетеля, – крикнул полицейский и принялся расхаживать по комнате.

В сопровождении вооруженного охранника появился Круглый. Он глумливо улыбнулся Валентину и встал, привалившись к дверному косяку.

– Показывайте, гражданин Карашев, – коротко приказал очкарик.

Круглый скорчил гримасу, как будто старательно что-то вспоминает, и повертел головой по сторонам.

– Ну, в общем, здесь он мне сумку с оружием показывал, – наконец произнес он. – Точно здесь... Черная такая сумка... Вот, около этой стены стояла...

– Ну ты сказочник! – глаза Валентина налились кровью. – Запугать не вышло, решил с другого боку зайти. Ты мне сразу, еще на заправке, не понравился.

Он попытался подняться, но подскочивший омоновец грубо пихнул его на место.

– Проводите свидетеля, – скомандовал очкарик, а затем, обернувшись к Валентину, иронично добавил: – Гражданин Иммель, вы сейчас про разговор на астанинской заправке? Где вы встречались с гражданином Карашевым предложить сделку? Запись вашей встречи приобщена к делу. Только в выборе покупателя ошиблись, Карашев теперь законопослушный гражданин.

– Ни слова без адвоката, дядя Валя! – из прихожей донесся звонкий голос Ержана. – А еще мне сказали, что процедура обыска должна на видео записываться! Понятно?!

– Да уберет кто-нибудь этого ребенка отсюда? – досадливо поморщился очкастый. – Достал уже. И где, в конце концов, понятые? Что, так сложно двух человек найти? Сколько еще ждать?!

Работник правоохранительных органов явно нервничал. Он то и дело тербил кончик носа и поглядывал на часы. Каниша решила посмотреть на Вален-

тина. Иммель сразу среагировал и даже попытался улыбнуться в ответ на её сочувствующий взгляд.

– Прорвемся, – прошептал он, – не бойся.

Прошло еще минут десять, пока в комнате появились понятия – двое незнакомых Канише людей. Среди жильцов своего подъезда она их никогда не видела. Но пока очкарик объяснял им суть происходящего и заполнял бумаги, в квартире возник новый персонаж.

– Так-так-так... Кажется, успел! Разрешите пройти, освободите дорогу!

Высоченный, под два метра ростом, рыжий веснушчатый мужчина в светлом сером костюме и с красным потным лицом втиснулся в комнату, держа перед собой включенный на видео смартфон.

– А вы еще кто такой? – следователь уставился на новенького поверх очков.

– Адвокат Алексей Волков, – отрапортовал рыжий, – приехал по вызову, защищать интересы и права госпожи Турсуновой и господина Иммеля. Сейчас маленькая формальность, и можно приступать.

Он ловко выудил из пошарпанного портфеля закрепленные на картонной основе бланки с текстом и, ткнув пальцем в строку с галочкой, получил подписи от Каниши и Валентина. От такой наглости очкастый только рот открыл. Но, быстро придя в себя, велел начинать обыск.

Сначала делали вид, что искали описанную Круглым сумку. Выпотрошили весь шифоньер и комоды, заглянули под диван и кресла.

– Гражданка Турсунова, вы можете начинать сотрудничать со следствием и добровольно выдать нам сумку с оружием. По утверждению гражданина Карашева, два дня назад она находилась у вас. А где сейчас? Здесь? Или гражданин Иммель на свою квартиру перевез?

– Врет ваш свидетель, – недовольным голосом ответила Каниша.

– Тихо, тихо, Каниша Биржановна, – вмешался Волков, – ни на какие вопросы вы отвечать не обязаны.

Каниша замолчала и стала наблюдать за происходящим. Как ни странно, сейчас она чувствовала себя лучше, чем полчаса назад. Появление адвоката, по всей вероятности, организовано Бибой. Наверняка умница Ержан догадался позвонить тете Бибигуль, и та придумала, как помочь подруге.

По комнате шныряли посторонние люди и мало того, что всё переворачивали, так еще и прозванивали поверхность стен, пола и потолка прибором, похожим на металлоискатель. И уж совсем непонятно зачем использовали ультрафиолетовый фонарик и даже тепловизор. Развеселило и то, как ищейки зачем-то снимали люстры и откручивали плафоны, а в тяжелых портьерах распарывали швы.

Иммель не выдержал.

– Зачем, начальник, шторы вспарываете? Чтобы оружие обнаружить?! Вы еще резинки из трусов повыдергивайте, может, там найдете! И обязательно в унитаза руками пошарьте, – зло проговорил Валентин.

Засмеялись даже омоновцы и понятия.

– Патроны тоже ищем, – нервно произнес следователь и самолично прощупал вязаное диванное покрывало.

Каниша словно оказалась тридцать лет назад. Та же квартира, та же, за небольшим исключением, мебель, но уже другие люди и, как ей кажется, более тщательно переворачивают всё вверх дном, снова проводя обыск. Просто дежавю какое-то...

Никакие пистолеты они не ищут... Так ищут только что-то не крупное, например, алмазы. Каниша грустно улыбнулась своим мыслям. Она не сомневалась,

что Иммель уже обо всем тоже догадался. Хорошо, что панельная трешка всего шестьдесят квадратов, а мебели и вещей у них с Ержанчиком не так много. Хорошо, что балкон не застеклен, и труженикам следственных органов не пришлось демонтировать панели. В общем, через семь часов обыск закончился ничем.

– Вероятней всего, вы перевезли оружие к себе на квартиру, – глядя на Иммеля, заключил очкарик. – Постановление на обыск по вашему месту проживания у меня тоже имеется.

– Да что вы, что вы! Даже не сомневаюсь, – ерничая, произнес Валентин. – Поехали уже скорее. У меня квартирка всего сорок восемь метров, в ней быстрее управитесь. И понятых можете не звать, мне теперь адвоката достаточно. Главное, все свои новомодные приборы прихватите, чтобы искать тщательнее получалось.

Оставив Канишу с внуком посреди полного раскардаша, стражи порядка действительно, не теряя времени, поехали на квартиру Иммеля, не забыв отогнать на досмотр его фольксваген. Алексей Волков отправился следом на своей машине.

* * *

Когда все ушли, Каниша принялась благодарить внука за находчивость. Они сидели на диване и, несмотря на окружавший их хаос и беспорядок, нежно улыбались друг другу.

– Какой же ты у меня молодец, Ержанчик! Хорошо, что догадался позвонить тете Бибигуль. И она молодчина – быстро адвоката прислала.

– А я не звонил тете Бибигуль, – неожиданно произнес Ержан. – Это я адвоката вызвал. Сам!

Такого поворота Турсунова не ожидала. Это действительно было для нее полной неожиданностью. Прав Иммель, Ержанчик уже не маленький ребенок.

– Ты по Интернету адвокатскую контору нашел? – сообразила Каниша.

Ержан ответил не сразу. Для начала он протянул бабушке свернутый листок бумаги, тот самый, который за несколько минут до обыска ей принесла соседка.

– Ты её уронила, а я подобрал, – пояснил внук.

Каниша развернула листок. Это был фирменный бланк адвокатской конторы «Миржан Сабитов и Компания». Далее указывались несколько телефонов, которые сопровождались короткой припиской: «Каниша Биржановна! Жду вашего звонка в любое время дня и ночи».

– И ты ему сказал, что у нас обыск?

– Да, – кивнул Ержан. – Я подумал, что тебе и дяде Вале нужен защитник.

До поздней ночи Каниша наводила порядок в квартире. Спать не хотелось. Волновалась за Валентина. Ержан всё понимал и, как мог, успокаивал:

– Этот рыжий адвокат – он шустрый, – передвигаясь по комнатам вслед за Канишой, говорил Ержан. – Всё на телефон снимал! Везде успевал. Ты не переживай, он не даст дядю Валу арестовать.

Глава 20. Миржан Сабитов. Алматы, 1995 год

Мужской кризис среднего возраста начинается после сорока. Медики считают, что в это время у мужчин происходит гормональный сдвиг, падает тестостерон, а вместе с ним и уверенность в себе. В этом возрасте мужчине кажется, что он многое в жизни не успел, начинаются красные спортивные машины,

шмотки не по возрасту, уход из семьи, молодые девушки, клубы, бары и так далее. В общем, седина в бороду – бес в ребро.

Не миновала сия чаша и адвоката Сабитова. Заскучал успешный адвокат и, чтобы как-то разнообразить семейную повседневность в лице ревнивой жены Гульшат и четверых детей, обзавелся молоденькой любовницей. Люся была не промах! Глазки с чертовщинкой, ротик пухленький, талия такая, что руками обхватить можно, а ноги... Ноги, как говорится, от ушей росли. В общем, влюбился Миржан в девчонку.

Поначалу помог в театральном-художественном институте поступить, несколько раз в зарубежные поездки возил – мир показывал, а после, когда она заявила, что устала ночевать с ним по гостиницам, решил снять подалеже от центра домик для сладких утех и свиданий.

Район Первой Алматы подошел идеально. В таком месте встретить своих пафосных знакомых или кого-нибудь из многочисленных родственников жены было маловероятно. Да и машину во двор загнать и ворота закрыть – это же как удобно! Спрятался с Люськой в своем гнездышке, а Гульшат сказал, что в командировку уехал. Мечта да и только!

Аккуратный трехкомнатный домик, оставшийся от уехавших в Германию местных немцев, родственники сдали в аренду сразу на год. Жаль, конечно, что участок небольшой, всего четыре сотки, но Миржан с Люсей овощей сажать не собирались, а на то, чтобы шашлык пожарить, им места хватало. Зато на участке была чудная банька, где они любили попариться в удовольствие. Одна из стен бани выходила окошечком на соседний участок, и предусмотрительная Люся не поленилась купить на него тонкую занавесочку. Миржан над ней посмеялся, дескать, кого в этой глуши бояться, тем более дом по соседству был выставлен на продажу и там редко кто появлялся.

Тот декабрьский вечер Миржан запомнил на всю жизнь. Уже смеркалось. На повороте к дому навстречу вылетел черный внедорожник с затонированными стеклами. Миржан узнал машину Эдика и скривился от досады. Какого черта занесло в их глухомань владельца элитного автосалона? Сабитов приказал Люсе сползти с сидения на пол и стал придумывать, что наврать приятелю жены по поводу странного места встречи. Пронесло! Эдик пролетел мимо и даже не посигналил. Дома Люська затянула волюнку, что хорошо бы затопить баню и попарить косточки. Миржан сначала отнекивался, но не устоял. Настырная девица быстро переделась и ринулась на улицу, заверив любимого, что сама разберется с дровами и печкой. Миржан поворчал для порядка, но обещал, что поможет сразу же, как сделает пару важных звонков.

– Аааааа! Миржан!!! Ааааа! – донесся до него Люськин голос и, забыв обо всем на свете, он накинул пуховик и мухой понесся к баньке. Прямо у входа с кочергой в руках стояла обезумевшая от страха Люся.

– Там, в парилке... там мужик какой-то, я его кочергой звезданула. Миржанчик, глянь, он живой? А то я боюсь!

Сабитов вырвал у девушки кочергу и рывком отворил дверь.

Свернувшись в три погибели, на полу лежал похожий на гнома бородатый мужичонка и, закрывая голову руками, трясся всем телом. Рядом с ним стоял потрепанный рюкзачок.

– Ты кто, чучело? – опуская кочергу, поинтересовался Миржан.

Он сразу понял, что доходяга ему не противник и бояться нечего. «Наверное, алкаш местный или бомж какой», – решил Сабитов.

– Товарищ Сабитов! Я сейчас всё объясню. Я Липко... Федор Липко, фотограф из Дома быта, в свободное время подрабатываю частным детективом. Меня ваша жена наняла за вами следить.

От неожиданности Миржан аж присвистнул.

– Ты хоть знаешь, про кого вынюхивал, дядя? У тебя ведь лицензии наверняка нет! Кердык тебе в таком случае... Ты как сюда вообще забрался?

Пока Миржан допрашивал сыщика-неудачника, не растерявшаяся Люська подхватила рюкзачок и встрясла его содержимое прямо на деревянный порог.

– Смотри, Миржан, у него тут и блокнот с записями, и фотоаппарат... Ну, гнида, я тебе сейчас устрою!

– Нет! Не надо... У меня и так плечо болит от кочерги вашей. Может, вы мне плечо сломали, – заверещал Липко.

– Колись, гад, что уже успел Гульшат доложить? – сурово сдвинул брови Сабитов.

– Ничего, ей-богу, ничего! Завтра у нас встреча, – мужик для убедительности несколько раз перекрестился.

– А в баню зачем залез? Думал, мы тебя здесь не заметим? – хохотнула Люся.

Оказалось, что причина, побудившая детектива залезть через окно в баню, была реализацией стратегического плана. Вычислив несколько дней назад «любовное гнездышко» Сабитова, ему никак не удавалось сделать подходящие снимки, компрометирующие изменщика. А без таких снимков ревнивая, но прижимистая на деньги Гульшат вряд ли бы вознаградила «Пинкертона». Пробраться на территорию объекта наблюдения кроме как через соседский сад не получалось. Поэтому Липко сначала проник на смежную территорию, которая была огорожена более низким забором, а потом проник в баню, в надежде, что дверь окажется незапертой. Далее сыщик планировал заглядывать в окна и фотографировать любовные сцены.

Однако всё пошло не так, начиная с того, что у хлипкой на вид баньки оказалась прочная входная дверь, которую ему открыть не удалось. Липко был готов повторить маршрут и, оказавшись на улице, придумать другой способ проникновения на заветную территорию, но в этот момент в соседском доме зажегся свет и раздались голоса. Несколько мужчин громко спорили и оскорбляли друг друга, выкрикивая, что если кого-то и зовут Алмаз Жентуриев, то это не дает ему права обворовывать тех, кто в тяжелую минуту протянул ему руку помощи. Голоса угрожали закопать в землю всех Турсуновых от мала до велика, так как их никчемные жизни и половины бриллиантов не стоят. Конечно, можно было сбежать под шумок, но кто-то открыл окно и закурил. Это было так близко, что Липко чувствовал запах табачного дыма. Оставалось ждать...

А потом случилось то, что не на шутку напугало непутевого сыщика – внутри дома прогремел выстрел. Дверь, выходящая на террасу, отворилась, и низкорослый толстяк, выйдя из помещения, пристально огляделся по сторонам. Липко не помнил, как в его руках появился фотоаппарат и зачем он, не переставая, щелкал кнопкой, снимая, как из дома выволокли что-то объемное, замотанное в одеяло, как протащили в шаг от него и, бросив под деревом, закидали снегом.

– Что делать-то?! Там же покойник! Что делать, товарищ Сабитов? Вы должны знать, что в таких случаях делать...

Миржан выглянул в окно и действительно заметил странный сугроб, из-под которого торчал край синего одеяла.

– Сгоняю, посмотрю, – тут же предложила бесстрашная Люська.

– Не смей! Не смей никуда ходить! – рявкнул Миржан. – Иди в дом и одевайся. Не было нас здесь сегодня! Понимаешь, не бы-ло! Жентуриев, Жентуриев, знакомая фамилия, – уже более спокойно проговорил он и, покосившись на девушку, добавил: – Ты еще здесь? Быстро дуй в дом одеваться! И это прихвати...

Миржан протянул Люсе рюкзак, предварительно затолкав в него блокнот и фотоаппарат.

– А со мной что? – слезливо проблеял Липко.

– Так и быть, спасу, – пообещал Сабитов.

Взяв с псеводетектива клятву, что тот доложит Гульшат о незапятнанной репутации верного супруга, Миржан научил напуганного «Пинкертона», как выйти из ситуации.

В общем, легенда была простой и гениальной одновременно. Арендванный домик хозяева давно хотели продать, но, не найдя покупателей, сдали в аренду Людмиле Владимировне Супрун, то есть Люсе. Липко, работающий фотографом в Доме быта, познакомился с девушкой, которая приходила туда фотографироваться и, разговорившись, узнал, что она снимает выставленный на продажу дом. Договорился приехать посмотреть. Люсю не застал. Зашел в открытую калитку и стал рассматривать снаружи, увидел баню – дверь тоже была не заперта, зашел... А дальше всё, как было на самом деле. Вызвать милицию Сабитов приказал через час после того, как они с Люсей уедут.

Наверное, с месяц, а то и больше, Сабитов исподволь интересовался через знакомых милиционеров об убийствах в районе Первой Алматы, однако никто из его знакомых подобной информацией не владел. Лишь позже, присутствуя по делу подзащитного в одном из отделений милиции, он узнал, что Алмаз Жентуриев подан в розыск вместе со своим шурином Амантаем Турсуновым и малолетней дочкой. Там же, в коридоре райотдела, он увидел убитую горем Канишу.

Блокнот с записями Липко о результатах слежки Миржан, выдирая страницу за страницей, ликвидировал, порезав на тонкую лапшу в уничтожителе бумаги. Лично распечатал все снимки и, избавившись от тех, которые даже косвенно могли ему навредить, спрятал остальные в тайнике кабинета. Спрятал на всякий случай, уж больно знакомые лица были на тех фотографиях.

Адвокатский бизнес Сабитова набирал обороты, и со временем, когда столицу перенесли в Астану, Миржан перебрался туда с семьей и, конечно же, не забыл и Люсю. А как забыть, если влюбленная в него женщина родила ему прелестную девочку. Сначала Гульшат закатывала истерики, оскорбляя на чем свет стоит русскую келин. Но с годами смирилась. Сабитов умудрялся быть хорошим отцом и мужем в обеих семьях. Так бывает!

В алматинском офисе он оставил за главного своего лучшего ученика Алексея Волкова. Так тоже бывает!

Трагедия случилась месяц назад. Упрямый Миржан, несмотря на почтенный возраст, категорически отказывался от шофера. В ту ночь он, как и положено пожилому водителю, неторопливо ехал по трассе. Возвращался от заболевшего родственника. Внезапно прямо перед ним возник молодой казах в вязаной кофте с надвинутым на лоб капюшоном и в темных джинсах. Миржан резко затормозил. Паренек улыбнулся и постучал по капоту. Сабитов слегка опустил окно.

– Покойником хочешь стать? – спросил он наглеца.

– Уже, – печально улыбнулся парень.

– Дурацкая шутка!

– Не спорю, – спокойно отозвался нахал. – Просьба у меня к тебе! Передай Канише всё то, что прячешь тридцать лет, и устрой мне с ней свидание на том месте, где меня убили. Запомни – Каниша Турсунова, врач скорой помощи! И не вздумай обмануть. Мы с тобой скоро встретимся, и я с тебя за всё спрошу!

– Да пошел ты, щенок! – выкрикнул Миржан и вдруг осознал, что несется по дороге на бешеной скорости. Руки задрожали, он ничего не успел предпринять, когда, резко вывернув руль, съехал в кювет.

Сабитова доставили в больницу со множественными переломами и разорванной селезенкой. Придя в сознание, он потребовал встречи с Волковым, которому рассказал все подробности давнишней истории, случай на дороге и место, где искать спрятанные фотографии. Он взял с Алексея слово, что тот всё исполнит за него. Миржан умер ровно в тот день, когда Каниша примчалась на ложный вызов.

Алексей постарался идентифицировать лица людей с фотографий через Интернет. Единственным, кого умный браузер опознал на сто процентов, был Эйб Пулиев, бывший казахстанец, а ныне успешный турецкий бизнесмен.

Волков закончил свой рассказ и обвел присутствующих усталым взглядом.

Умит, Иммель и Каниша сидели в кабинете у Алексея, который, исполняя предсмертную волю наставника, рассказал им всё, что знал сам.

Теперь было понятно, что история с обыском безо всякого сомнения всего лишь поиск алмазов.

Больше всех по поводу проведенных обысков кипятилась Умит. Ей и в голову не могло прийти, что Карашев и его заказчики додумаются до такого. Но хорошо то, что хорошо кончается. Присутствие Волкова не оставило возможности подвести Иммеля под статью, подбросив что-либо запрещенное. Кроме того, высшая степень тщательности, с которой проводились обыски, давала надежды на то, что, прошерстив обе квартиры, от её друзей наконец отстанут раз и навсегда.

– Да не расстраивайтесь вы так, – успокаивал Волков. – Я присутствовал на обоих мероприятиях и с уверенностью могу сказать, что Канише и Валентину ничего не угрожает. Интересно, как будет выкручиваться Карашев? Как ответит за дачу заведомо ложных показаний?

– Выкрутится, – махнула рукой Умит. – Напишет раскаяние, что был тайно влюблен в Канишу Турсунову и на почве лютой ревности решил подставить Иммеля, придумав историю с оружием.

– Что значит влюбился? – не вытерпела Каниша. – Да ведь я его до стычки на заправке никогда не видела и не знала.

– Скажет, что любил тебя, как Петрарка Лауру, и робел признаться. Великий поэт посвятил ей триста шестьдесят шесть сонетов, а она даже не знала о его существовании. Жила себе Лаура де Нов припеваючи в городе Авиньон с мужем и детьми, и плевать ей было на Франческо Петрарка, который мог лишь издали ей любоваться, – иронично произнес Иммель.

– Познавательное, но не в тему, – жестко отреагировала Умит. – Не думаю, что Карашев читал итальянского классика. Как по мне, так его общение с книгами закончилось, когда он детстве пустил букварь на самокрутки. Он марионетка. Вот если бы до его заказчика дотянуться...

– А как же лица на фотографиях? Вот Эйб Пулиев не слишком изменился, может, и других вычислим и призовем к ответу, – с надеждой в голосе проговорил Валентин.

– Без толку, все сроки исковой давности прошли. Тело с места преступления пропало. Я вот только одного в толк взять не могу – почему всё возобновилось именно сейчас? Тридцать лет было тихо, а теперь будто кто-то осиное гнездо разворошил! Если допустить, что за этим и впрямь стоит Эдик, то есть Эйб, то почему именно через тридцать лет он активизировался?! Ну почему?! Нет, мы явно что-то упускаем...

– Я не знаю, – развела руками Каниша.

У Иммеля сжалось сердце. Он смотрел на свою любимую женщину, видел её растерянность и усталость. О Господи, сколько же на нее свалилось за

эти дни: непостижимое здравому смыслу свидание с умершим мужем, встреча с тяжело больным братом, трудный разговор с Анной Хекенен, которая не оставила ей надежды на встречу со старшей дочерью, угрозы Круглого, посмертное признание Миржана Сабитова – да всего и не перечесать. Другая бы уже с ума сошла. А Каниша держится, еще и о Ержанчике заботится. Великая женщина! Самая лучшая на свете! И если не она, то никакая другая Валентину не нужна.

Эх, Петрарка, Петрарка, знал бы ты, как через семьсот лет понимает твои чувства простой алматинский водила Валентин Иванович.

Глава 21. Комната с роскошным интерьером

Через день позвонила Бибигуль и, конечно же, выказала свою обиду на подругу, которая, вернувшись с Саумалколя, не удосужилась рассказать всех подробностей о встрече с Амантаем. В качестве сатисфакции Канише вменялось в обязанность срочно прибыть к подруге в гости вместе с внуком и за шашлыками поведать, как прошло воссоединение брата и сестры, не видевших друг друга долгое время.

Не уважить Бибу Каниша не могла, тем более что планировала переговорить с ней насчет операции для Амантая, а потом и о покупке хорошего протеза. В общем, вечером Валентин Иванович отвез их на дачу Лукпановых, строго настрого предупредив, что будет ждать звонка и обязательно отвезет обратно домой.

После ужина молоденькая домработница Бибы отвела Ержанчика на второй этаж, где был установлен огромный компьютер, и пообещала поиграть с ним в новые «стрелялки».

Подруги вышли на воздух и расположились в беседке. Каниша рассказала Бибигуль всё о том, как произошла встреча с братом. А потом еще и про встречу с Анной, и о том, как видела через монитор Эльвирочку и финских внучат. Каниша была честна и старалась не упускать подробностей. Она утаила только моменты, связанные с Круглым – на этом настаивала Умит, мечтавшая наказать бандита.

Бибигуль слушала внимательно. Вздыхала, округляла глаза, а местами и слёзы утирала. Она безумно радовалась за Канишу и, конечно же, обещала, что сделает всё возможное и невозможное для лечения Амантая.

– Не бойся, старушка, поднимем мы твоего братца. Он мужик сильный, и раз столько горя в жизни хлебнул, должен за жизнь цепляться. Тем более теперь у него есть ты, Ержан, Динка... Даже не думай, у меня предчувствие, что выкарабкается Турсунов старший.

За разговорами они не заметили, как стемнело. Каниша позвонила Иммелью и поднялась на второй этаж за Ержанчиком. Раньше ей никогда не доводилось посещать мансарду этой виллы, и поэтому, пойдя на доносящиеся из глубины коридора звуки, ненароком зашла в другую комнату...

Это был роскошный кабинет. Тот самый, из её виденья – с дорожной мебелью, книжными шкафами и тростью, прислоненной к краю массивного стола. На столе лежали стопки бумаг и несколько книг, обложки которых были оформлены в духе дамских детективных романов с яркими картинками грудастых блондинок и силуэтов brutальных мужчин. Роман назывался «Алмазные двери в счастье» и состоял из трех томов. Творение принадлежало перу некой Инги Холм.

– Возьми, почитай. Много чего узнаешь!

Каниша резко обернулась и уставилась на стоящего перед ней Сакена Лукпанова. Тот взял один из томов и, пролистав несколько страниц, прочитал:

– «Когда я увидела его впервые, то поразились, до чего подходящее имя он носит – Алмаз! Такого красавца не могли звать иначе. Высокий, мускулистый, с волевым подбородком и дерзким взглядом из-под длинной, спадающей на лоб челки... Когда он целовал меня своим сухим и горячим ртом и нес на руках в кровать, я забывала обо всем на свете... Первое, что он подарил мне, была зажигалка Zippo Skull с рисунком черепа на корпусе». Никого не напоминает?

– Хватит! – чувствуя, что теряет самообладание, попросила Каниша.

– Хорошо, давай прочитаем про тебя! – брезгливо скривил рот Лукпанов. – «Я хочу быть только с тобой, моя прекрасная нимфа! Я отдал жене все алмазы до единого. Такие, как Кашана, падки на деньги! Она согласится на развод!»

– Вам самому-то не противно читать такую мерзость?

– Вот тут самое интересное, – не обращая внимания на слова Каниши, Лукпанов взял со стола третий том и легко нашел нужную страницу: – «Я без сожаления смотрела на эту увядающую женщину – когда-то она была мне соперницей. Но я пришла к ней в дом не за этим. Я пришла забрать алмазы, которые по праву принадлежат мне после смерти моего бриллиантового мальчика. Тридцать лет она держала их в своем тайнике, думая, что Эдвард и Лукпан уже смирились с пропажей. Для меня так даже лучше! Сейчас я пристрелю её и достану тайник. Она даже не догадывается, что место, где его следует искать, я давно уже вычислила!»

Инга, Инга... Сейчас Каниша вспомнила это имя. Алмаз часто разговаривал с ней по телефону. Она была каким-то ювелирным экспертом, кажется... Каниша сделала над собой усилие и посмотрела на Сакена.

– Как же я не догадалась... Лука! Вы хотите сказать, что верите в этот бред? – она указала на книгу в руках Лукпанова. – Намекаете, что это написала об Алмазе его знакомая?

– Не намекаю, а утверждаю! Ведь я тоже её знал.

– Это я уже поняла, Лука, – покачала головой Турсунова. – Ну так и флаг вам в руки. Пусть писательница сама вам скажет, где в моей квартире находится тайник! А то слезки, обыски, бандиты – это же вам, наверное, в копеечку выходит? Или Эйб Пулиев берет половину расходов на себя?

– Не скажет! – Лука швырнул книжку на стол. – Старая ведьма сдохла в прошлом году, а эту макулатуру издали уже после её смерти.

– Надеюсь, вы не думаете, что это я, «Кашана», или как там она меня обозвала, её убила?

– Не думаю, ты ведь никуда не уезжала...

– Всё! Отстаньте от меня! Дайте мне забрать внука. Что непонятного? Нет и не было никаких бриллиантов! Может, это ваша Холм вас всех обдурила! Так вам и надо, убийцам! – выдохнула она. – Ты убийца, Лукпанов!

– Дура! Никто не убивал твоего Алмаза! Он сам застрелился! Он приехал на встречу с пистолетом, кричал, что не отдаст камни, пока Эдик не переписет на него пятьдесят один процент акций автосалона! Да у него крышу снесло, так бывает... Он размахивал оружием у нас перед лицом, твой Алмаз. А когда охранник Эдика попытался отобрать у него пистолет, что-то пошло не так, и Жентуриев нажал на спусковой крючок. Он попал себе прямо в сердце, он даже не понял, что убил себя сам...

– Ты всё врешь! Тогда где его тело? Почему я не видела экспертизы?

– Да потому что нам с Эдиком это было не нужно! Позже мы выкупили тело из милицейского морга и похоронили на Кенсайском кладбище, правда, под чужим именем. Я тебе покажу, где...

Каниша вышла из кабинета, хлопнув дверью. Сакен опустил в стоящее возле стола кресло и обхватил голову руками.

От стены за его спиной отделились две синеватых тени: статная женщина в платке и дорогом шапане и огромный волк. Женщина положила руку на плечо банкира и, склонившись к его уху, тихо произнесла:

– Эй, Сакен из рода Аргын, вспомни мудрость своих предков! Если наживешь барыш ложью, в конце концов будешь в убытке; если потерпишь убыток от правды – в конце концов будешь в барыше.

Сакен резко обернулся, но тени уже растворились в воздухе. Трость с выгравированным знаком тамги ни с того ни с сего покачнулась и упала на ковер. Он поднял трость и, взяв смартфон, позвонил Эдику.

– Ассаламуалейкум, дружище! – тут же раздалось в трубке. – Как наши дела? Есть новости?

– Ваалейкум салам, брат! Нет у меня для тебя хороших новостей. Мои люди ничего не нашли... Зря платил... Думаю, эта старая обезьяна Инга просто хотела над нами поиздеваться...

– И что предлагаешь? Забыть?

– Забыть и не вспоминать... Думаю, этот щенок их в другом месте спрятал. Повезет тому, кто найдет... А может, никто и не найдет. В общем, я больше не в теме. У меня своих дел по горло. И еще, я поговорил с Канишой – теперь она всё знает.

– Я тебя услышал, брат! – тяжело вздохнул Эдик. – Пусть будет по-твоему.

Глава 22. Первая дверь

Оставшиеся дни отпуска доктор Турсунова посвятила семейным делам. А их теперь было немало.

Не без помощи безотказного Иммеля привезла в Алматы Амантая и устроила на обследование в лучшее в городе отделение онкологии. Брат держался молодцом и, сдавшись под напором вновь объединившихся Каниши и Тани, согласился на углубленную диагностику и лечение.

Съездила на старое мусульманское кладбище и, разыскав могилу Алмаза, договорилась об изготовлении надгробного камня.

Мало-помалу восстанавливались отношения с Бибигуль. Подруга клятвенно заверяла, что дружила с Турсуновой не потому, что шпионила и доносила мужу, а от чистого сердца.

Каниша в такой искренности сомневалась... Хотя, если честно, разочарование было бы намного горше, не будь рядом Иммеля. Каниша часто спрашивала себя: кто этот терпеливый здоровяк для них с Ержаном? Неужели он её любит? А она? Нужны ли ей, почти пятидесятилетней женщине, близкие отношения? Тридцать лет она жила без мужчин и даже не думала, что вновь может прикипеть к кому-то. С этим нужно что-то делать! Нужно отдалиться, отвыкнуть от его заботы, разговорам по душам, дельных советов, присутствия в её квартире. Обязательно нужно расстаться. Но как? Валентин такой свой! Он как рука или нога, когда они есть – их не замечаешь, но не дай бог лишиться... А Ержанчик? Да он дня без дяди Вали не мыслит. Им так хорошо вместе... Часами могут разговаривать, секретничать... Ержан даже стал просить Валентина помогать ему мыться, хотя раньше никого кроме бабушки к себе не подпускал. Динку и ту стеснялся. Что происходит? Чем закончатся эти отношения? Не дай Всевышний, признается ей Валентин в своих чувствах? Нет, про такое даже думать страшно. Ведя постоянный внутренний диалог на тему Иммеля, Каниша пыталась убедить себя в ненужности развития отношений... Она обманывала себя – её тянуло к этому мужчине.

Ержан заканчивал учебный год на отлично. Он начал обучаться позже своих сверстников и пока освоил только программу пятого класса. Турсуновым

повезло с учительницей. Салтанат Кайратовна была очень доброжелательной и терпеливой. Сначала она приходила заниматься с Ержаном три раза в неделю, а затем, когда мальчишка освоил компьютер, уроки стали ежедневными, но уже в режиме онлайн.

Новость от Салтанат, пришедшей к своему ученику, чтобы попрощаться перед длинными летними каникулами, неприятно удивила Канишу, которая, готовясь к визиту педагога, накрыла в гостиной стол. Небольшое застолье с чаем и вкусностями перед каникулами было уже традицией.

Оказалось, что Салтанат увольняется из государственной школы и больше не сможет заниматься с Ержанчиком по бесплатной программе инклюзивного образования.

– Но вы, Каниша Биржановна, не переживайте! За Ержаном обязательно закрепят другого преподавателя, которому я охарактеризую вашего внука с самой лучшей стороны.

Огорошенной известием Канише оставалось вежливо улыбаться и ухаживать за гостьей как ни в чем не бывало. А что она могла изменить? Наверняка Салтанат рада новой работе и новой большой зарплате. Да и разве можно её за это укорять? У нее своих трое детишек, а денег явно не хватает. Вот молоденькая же совсем, лет тридцать с небольшим, а одевается очень скромно. Несколькими годами в одном пальто к ним ходила. Эх... Хорошо бы, чтобы новая учительница оказалась такой же душевной.

– Салтанат Кайратовна, а я бы смог эту вашу частную школу посещать? – с надеждой в голосе поинтересовался Ержан.

– Конечно, – оживилась учительница. – Там классы не более десяти человек, все детки умные и хорошо воспитанные. Там бы тебя с радостью встретили!

– Бабушка, давай запишем меня в эту школу! – не раздумывая заявил Ержан.

– Ты что, сердце мое, – восторгалась Каниша, – это же тебя нужно утром увезти, в обед забрать, и так каждый день...

– Нет! – остановила её Салтанат. – Там есть школьный автобус, всех детей забирают прямо от дома, а вечером привозят. Это школа полного дня, там трехразовое питание... Да и домашнее задание дети делают под присмотром... потом гуляют... там целый собственный парк.

– Нет! Как вы это себе представляете? Кто днем будет внуку помогать, ну не знаю... в туалет сходить, руки помыть...

– Там, помимо учителей, есть ассистенты и помощники. К тому же я там буду целый день. Да вы не волнуйтесь, там вообще учится мальчик-колясочник, и ничего... Это очень современная школа, и в ней всё предусмотрено.

– Бабушка! Решено! Я больше не стану учиться дома! – Ержан так разволновался, что почти кричал. – Я же с тросточкой хожу! И потом, у меня там появятся настоящие друзья! Мне будут помогать!

– Успокойся, я подумаю.

– Подумайте, – согласилась Салтанат.

Уже в прихожей она вытащила из сумочки рекламный буклет и положила на полочку.

С обложки буклета на Канишу смотрели смеющиеся дети в одинаковых синих костюмчиках с разноцветными ранцами за плечами. И ей больше всего на свете захотелось увидеть среди них радостное лицо Ержанчика.

Заехавший вечером Валентин застал бабушку и внука в жутком настроении и с понурыми лицами.

– Что-то случилось? – с порога поинтересовался он. – Амантай? Динара? Что?

– Бабушка говорит, что я никогда не смогу учиться в школе с ребятами! А я говорю, что тогда вообще не стану учиться! – придерживаясь за стену и сутулясь больше обычного, Ержан дохромал к себе в комнату и, закрывая дверь, намеренно хлопнул ею так, что в ушах зазвенело.

Каниша молча кивнула Иммелю в сторону кухни и, зайдя следом, тоже закрыла дверь. Она без утайки рассказала всё, что произошло, и положила перед Валентином красочный буклет.

– Да они что, белены объелись? – взвился Иммель, уставившись на шестизначные цифры в разделе оплаты за обучение. Он сразу всё понял! Требуемая сумма была в полтора раза больше его годовой зарплаты. И для доктора скорой помощи она тоже была неподъемной.

– Давай устроим его в обычную школу! Я пойду таксовать, буду привозить и увозить Ержана сам!

Каниша досадливо поморщилась:

– Исключено! В обычной школе огромные классы. Не дай бог дети толкнут или станут высмеивать. Нет, мы будем продолжать учиться дома.

– Да подожди! Ну должны же быть еще варианты? Наш Ержанчик не единственный инвалид в городе...

– Ты сейчас про коррекционную школу? Туда только через мой труп! – вспыхнула Турсунова. – Там знаний никаких и ярлык спецобразования. А я хочу, чтобы он после школы продолжил учиться. Я знаю, в Москве есть специальный университет для людей с нарушением органов движения. Школу закончит, выбью квоту в министерстве образования и сама с ним полечу.

Дверь в комнату Ержана предательски скрипнула.

– А я говорю, что не стану учиться дома. Я нормальный! Я в конце концов – отличник! – звенящим голосом выкрикнул мальчик, после чего снова раздался характерный хлопок закрывающейся двери.

– Слушай, – Валентин пристально посмотрел на Канишу, – рано или поздно этот разговор всё равно бы состоялся. Мальчишка вырастет, ему и правда нужно постоянное общение со сверстниками...

– Да я понимаю, – шмыгнула носом Турсунова, – но я не потяну... К тому же Амантай... и Динка сейчас не помощница, у нее только-только всё с работой налаживается, сам понимаешь. Деньги, деньги... Везде нужны деньги! А где их взять?! У Бибы просить не стану. Корки буду глотать, но к Лукпановым не обращусь! – зло проговорила она, а потом вдруг обмякла, всхлипнула и разревелась. Валентин соскочил со стула и обхватил её вздрагивающие плечи своими ручищами. Она обернулась и уткнулась в него лицом.

– Я продам машину, я продам квартиру, я же тебе говорил, я для тебя горы сверну... Мы поднимем Амантая, мы вырастим Ержанчика...

Валентин не заметил, как стал осыпать поцелуями голову любимой женщины.

– Бабушка, прости меня, – на кухне появился Ержан. Иммель освободил одну руку и, обняв мальчишку, тоже прижал к себе. Теперь мокрые глаза были у всех троих. Но это было уже не отчаяние, это было единение близких душ и начало зарождающегося счастья.

Жаль, что никто из них не видел, как с обратной стороны окна, паря в пространстве, на них смотрели полупрозрачные улыбающиеся лица родичей аруахов. А потом подул ветер, и аруахи, расступившись, пропустили впереди себя величественную Умай и огромного голубого волка.

– Подари им подсказку! – волк посмотрел на богиню умными раскосыми глазами. – Мы должны им помочь.

– Подарю вещей сон, – не разжимая губ, произнесла Умай, и аруахи-заступники склонились перед ней в почтительном поклоне...

Под утро Канише жутко захотелось пить. Она открыла глаза и обнаружила, что Валентина нет рядом. Накинув халатик, обошла квартиру – никого. Заглянула к внуку, Ержанчик крепко спал в своей комнате. Набрал в чашку воды, вышла на балкон. Фольксваген стоял на своем месте, а в салоне горел тусклый свет. Быстро переодевшись, она спустилась на улицу. Валентин словно бы и не удивился, его лицо было возбуждено, а глаза лихорадочно блестели.

– Что случилось? Ты почему в машине сидишь?

– Не хотел тебя будить! Я же запись слушаю, – он показал на лежащий на торпеде диктофон Шапиро.

– Зачем?

– Сон приснился, – глупо улыбаясь, ответил Валентин. – Представляешь, сплю и вдруг вижу, как к кровати подходит женщина, на ней восточный халат такой расшитый...

– Шапан, – подсказала Каниша.

– Да, наверное, – не стал спорить Иммель, – а на голове убор какой-то будто с тремя рогами. Но это неважно. Она так надо мной склоняется и представляешь, говорит мне беззвучно! Ну, рот не открывает, а я как бы её голос слышу...

– Что говорит-то? – зевнула Каниша и подумала, что до чего же Иммель сейчас похож на ребенка.

– Говорит, если ты внимательным будешь, то поймешь, где её покойный муж сокровища спрятал. Всё у вас на виду! Вам деньги нужны, вы на них смотрите, но не видите. Слушай и ищи! – торжественно, по-театральному произнес Валентин.

– И ты решил, что нужно переслушать именно эту запись? – недоверчиво протянула Каниша.

– Да! И мне кажется, я понял, где спрятаны алмазы!

Турсунова вопросительно посмотрела на мужчину, с которым впервые за долгие годы провела ночь в одной постели. И между прочим, ни грамма об этом не пожалела.

– Первая дверь! Первая дверь, за которой начинались все другие. Она была как твоя входная железная дверь! Кто её ставил? Когда?

– Алмаз! Сразу как эту квартиру купил...

– Ясно, – протянул Валентин и, обняв сидевшую на соседнем сидении Канишу, притянул к себе. – Дождемся, когда Ержан проснется, перекусим, и за дело... У тебя стремянка найдется?

– Стремянка есть, – задумчиво произнесла Каниша, – но, если честно, мне страшно. Я не хочу ничего находить, понимаешь?

– Нет! Не понимаю! Меня мысли про Ержанчика не отпускают. По сути, парень прав! Ему нужно учиться в школе, ему нужно научиться быть самостоятельным в социуме. Он ведь умничка! А Амантай? Нет! Будем искать!

* * *

Всё гениальное – просто, а что непросто – то просто не гениально!

Длинный металлический пенал шириной не более четырех сантиметров обнаружился вставленным в верхний торец двери. Иммель аккуратно поддел край тайника отверткой и извлек емкость из дверного полотна.

– Ну вот, – протягивая находку Канише, резюмировал он, – вот и нашли.

Факт обретения сокровищ не вызвал у него ликования. Валентин внезапно подумал, что это неожиданно обретенное Канишой богатство может отдалить её от него. Кто знает, какие метаморфозы случатся с женщиной и нужен ли ей будет простой водитель? Да она себе теперь миллион таких, как он, позволить сможет. А может, вообще... Заберет внука и рванет жить куда-нибудь за границу. Они сидели друг против друга, глядя на металлический прямоугольник, и не знали, что делать дальше.

– Открывай, – грустно ухмыльнулся Валентин, – гипноз здесь не поможет, коробка сама не откроется.

– Нет, – отрицательно качнула головой Турсунова, – нужно подумать... Это же не наше.

Она сказала «не наше», и у Валентина отлегло от сердца. Он не прогадал! Он влюбился в самую лучшую женщину на свете! Да другая уже бы, наверное, выпотрошила содержимое и стала прикидывать, сколько в нынешних ценах стоят найденные сокровища. А эта сидит спокойно, размышляет...

– Ну ты думай, а я всё-таки хочу посмотреть, что там внутри.

Он без усилий откинул крышку пенала. Внутренняя поверхность хитрого сейфа, включая снятую крышку, была обклеена черным бархатом и заполнена алмазами разной величины и оттенков.

– Я придумала! – с неподобающим моменту спокойствием произнесла Каниша. – Мы сдадим их государству, как найденный клад. И если нам полагается вознаграждение, поделим его поровну: нам, Лукпанову и Пулиеву. Звони Умит и Волкову! Пусть помогут организовать передачу.

* * *

Экспертиза и оценка стоимости найденных алмазов длилась до середины лета.

В присутствии адвоката Волкова Канише и Иммелью долго объясняли о разрыве в стоимости ограненных бриллиантов и необработанных камней, найденных в тайнике. Затем показывали какие-то таблицы каратности, чистоты и цвета. Потом попросили подписать акты о том, что экспертная оценка произведена по всем сданным алмазам, указанным в первоначальной описи, и лишь потом объявили, что находка оценена в двенадцать миллионов долларов США.

Каниша, не задумываясь, подписала бумаги о передаче пятидесяти процентов в пользу государства и зачислении оставшейся части равными долями на три счета физических лиц. Она не собиралась утаивать от Лукпанова и Пулиева полученных денег. Может быть, кто-то скажет, что девятьсот миллионов тенге не такие и большие деньги. Что ж, у каждого свои аппетиты.

Половину своей доли она без раздумий передала Амантаю и Татьяне. Энергичная Привалова тут же занялась лечением мужа. Не прошло и месяца, как Амантай был удачно прооперирован, а еще через время стал потихонечку осваивать бионический протез с микропроцессорным управлением. Теперь брат и сестра виделись чаще. Убедившись, что муж идет на поправку, Танюха прикупила внедорожник, и теперь они могли приезжать из Саумалколя в любое время. Переезжать в Алматы отказались наотрез. Жизнь в деревне им нравилась больше.

Ержанчика приняли в частную школу, где работала Салтанат Кайратовна.

Динке была подарена маленькая квартирka во Франции, откуда она в ближайшее время не собиралась возвращаться. Она рассказывала, что познакомилась с представителями казахской диаспоры и теперь у нее много новых друзей.

Сбылась и давнишняя мечта – отремонтировать в ауле старенький саманный домик тети Розы. Поначалу старушка, помогавшая Канише нянчить детей, о ремонте даже слушать ничего не желала.

– Не стоит, милая, этого делать, – увещевала Канишу старая Роза. – Сколько мне уже этой жизни осталось, доживу как-нибудь.

Пришлось им с Валентином ехать к упрямыце без предупреждения и нанимать строителей самостоятельно. Увидев огромного Иммеля, сгорбленная восьмидесятилетняя Роза чуть в обморок не рухнула.

– Ты где такого женишка откопала? – недовольным голосом спросила она по-казахски. – Среди своих нормальных мужиков не нашлось? Такого белого быка как прокормить-то?

Валентин сообразил, что не приглянулся Розе, и расстроился.

– Если с тобой будет жить – и ты, и Ержан родной язык забудете! Плохо это! На свадьбу не зови – не приеду!

Последнюю фразу Валентин отлично понял и, пыхтя, стараясь правильно произносить каждое слово, поинтересовался, что ему сделать, чтобы грозная Роза сменила гнев на милость.

– На казахском заговорить! Раз эту землю своей считаешь, а казашку женой назвать собираешься – говори на нашем языке!

– Так точно! Обещаю, что приеду к вам в аул за благословением и буду говорить только по-казахски.

И хотя на обратной дороге Каниша пыталась разрядить обстановку, убеждая, что Роза человек отходчивый и обязательно смирится с ситуацией, Валентин крутил баранку насупившись. А через неделю сообщил, что записался на продвинутые курсы казахского языка и три раза в неделю будет заниматься с репетитором. Каниша отговаривать не стала, она любила своих настырных мальчиков – Валентина и Ержана.

Ержан, чтобы помочь дяде Вале, даже игру придумал – теперь в своей речи Иммель должен заменять русские слова на вновь выученные казахские, а если приходилось говорить слово, которого Валентин пока не знал, то Ержанчик требовал подставлять к нему нужный казахский суффикс и окончание. Поначалу это звучало уморительно и походило на полную галиматью: «Мен магазинге собираюсь. Кому не купить керек?»

Однако по мере увеличения словарного запаса и зазубривания правил разговорную речь Валентина можно было сравнить с речью какого-нибудь городского казаха, окончившего русскую школу.

Но самое главное и волнующее событие случилось в начале августа. Валентин обнаружил среди сообщений в WhatsApp странное послание на английском языке, присланное с неизвестного номера. Он принял его за ошибочное и хотел уже удалить, но передумал. Указанная в конце письма подпись читалась как Eva Hekenen.

Как всегда, на помощь пришел Ержанчик. Скопировав текст, он разместил его в гугл-переводчике и, распечатав, прочитал вслух взволнованным бабушке и Валентину:

«Привет, Валентин! Моя мама Анна Хекенен обо всём мне рассказала. Я пишу вам, потому что пока не нашла в себе сил обратиться к женщине по имени Каниша.

Я слышала об ужасных временах, наступивших после развала Советского Союза, и допускаю, что причины, побудившие оставить меня в детском доме, были весомыми. Если это так, то передайте ей, что я согласна ознакомиться с

её оправданием. Моя мама очень добрый и умный человек, она считает, что у каждого есть право на объяснение.

С уважением. Эва Хекенен».

Несмотря на холодный тон письма, Каниша была на седьмом небе от счастья. Главное, Эльвирочка отозвалась! Главное, появился шанс наладить общение и рассказать ей правду. Валентин словно прочитал её мысли.

– Успокойся, – тихо произнес он. – Я напишу ей сам. Не переживай, переживать старое не стану.

– Что, что ты ей напишешь?

Валентин на секунду задумался.

– Напишу, что её спрятали в детском доме, чтобы спасти ей жизнь. Напишу, что никто не предполагал, что в связи со смертью отца и преследованием дяди пропала возможность забрать её обратно. А когда возможность вновь появилась, было уже поздно, так как Анна Хекенен удочерила и увезла её в Финляндию. И я спрошу её, будет ли готова она к встрече, если мы приедем в Лаппенранту.

– Пиши! – выдохнула Каниша. – Мы должны встретиться и объясниться. Мы поедem в Финляндию!

– Ну тогда уже и в Германию к моим заедем, и во Францию. Динару навесить тоже нужно, – улыбнулся Валентин.

Глава 23. Сочинение

Летит по небу на своем коне всемогущий Тенгри, и вплетены в развевающую гриву пегого скакуна ленты дней. Махнет скакун гривой – и день прошел, другой раз махнет – месяц пролетел.

Гудит Алматы, как улей. Мчатся по дорогам машины, спешат пешеходы. Минули весна и лето, окрасились городские парки в золото и багрянец. Крутит баранку скорой помощи Иммель и улыбается, поглядывая на свою любимую женушку, доктора Канишу Турсунову. Уже месяц прошел со дня их регистрации, а он до сих пор своему счастью поверить не может.

У Каниши зазвонил телефон. Она посмотрела на высветившееся имя, недоуменно приподняла брови и поднесла гаджет к уху.

– Здравствуйте, Салтанат Кайратовна! Слушаю вас.

По напряженному лицу жены Валентин понял, что собеседница говорит что-то малоприятное.

– Хорошо, сегодня после работы я обязательно приеду в школу.

– Что-то случилось с Ержанчиком? – встревожился Иммель.

– Толком не поняла. Салтанат говорит, что он написал очень странное сочинение, и она хочет побеседовать со мной в присутствии школьного психолога.

– Поедем вместе! – предложил Валентин.

– Нет, я одна схожу.

Встреча состоялась в пустом классе. Усевшись за ученический стол, Турсунова кивнула Салтанат и перевела взгляд на девушку психолога. Строгий взгляд, минимум косметики, светлая закрытая одежда. На голове хиджаб, традиционный мусульманский платок, полностью скрывающий волосы, уши и шею и слегка спадающий на плечи.

Сама Каниша в таком наряде в жизни не ходила. Рожденные в СССР были далеки от религиозных обычаев. Турсунова вспомнила, как одного её одноклассника не приняли в комсомол из-за коварного вопроса представителя

местного райкома. Хитрый райкомовец спросил у бледного от волнения восьмиклассника: «Скажи мне, кто я, по-твоему, мусульманин или христианин?» Учитывая, что спрашивающего звали Турлубек Аскарлович, мальчишка, не задумываясь, выпалил, что тот является мусульманином. За что и поплатился...

– Я комсомолец и атеист! – взревел Турлубек Аскарлович и, грохнув кулаком по столу, выгнал парня с заседания комитета комсомола.

Игра в молчанку затягивалась. Может, это метод психологического воздействия, а может, таким образом юная, забывшая представиться психолог её изучает.

– Давайте уже перейдем к делу. Вы меня вызвали по поводу Ержана. Я жду разъяснений, – проявила инициативу Каниша.

– Каниша ханум, не нервничайте, сейчас всё объясню.

Голос девушки в хиджабе был удивительно тонким и высоким.

– Меня зовут Жанар. И мне кажется, что ваш внук нуждается в психологической коррекции.

– Почему вам это кажется? – напряглась Каниша.

– Он постоянно фантазирует! Для деток с подобным недугом допустимо в раннем возрасте заменять действительность выдумкой, они таким образом склонны компенсировать недостающий личный опыт или комплексы по поводу собственных физических отклонений... Но не в двенадцать же лет! Ну вы меня понимаете?

– Нет, не понимаю, – честно ответила Каниша и, глядя на молчавшую Салтанат, добавила: – Вот сидит учитель, которая пять лет занималась с Ержаном и не разу не говорила мне о том, что мой внук путает реальность с вымыслом. Разве не так?

– Верно, – призналась Салтанат, – я ничего не замечала. Но, Каниша Биржановна, сейчас он правда рассказывает такое, во что ни один здравомыслящий человек не поверит. А сегодня, при проверке сочинения на тему «Моя семья», у меня волосы встали дыбом... Ну, в общем, как человек, который долгое время был вхож в вашу семью, я со всей ответственностью заявляю, что это не что иное, как фантазии, и причем весьма и весьма странные... Возникает вопрос: зачем он это сочиняет и что за этим скрывается? Вот, читайте!

Салтанат протянула Канише тетрадь, и та узнала угловатый почерк внука.

Сочинение на тему «Моя семья»

Еще год назад моя семья была очень маленькая: бабушка, я, мама и троюродная родственница по папе тетя Роза, которая живет в ауле.

Но за последнее время я узнал, что в нашей семье есть много секретов, которые взрослые никогда мне рассказывали. Может быть, взрослые и дальше скрывали бы их от меня, выискивая всякие причины, но так уж сложилось, что я узнал всю правду.

Теперь у нас большая семья. Сначала нашелся брат бабушки, мой двоюродный дед Амантай, и его жена, бабушка Татьяна, они живут в своем доме в поселке Саумалколь, что в часе езды от Кокшетау. Потом бабушка вышла замуж за лучшего друга деда Амантая, дядю Валентина, и теперь у меня появился еще один дедушка, но я привык называть его дядя Валя.

Дядя Валя по национальности немец, и его родители живут в Германии в городе Бремен. Когда мы у них гостили, я называл их дедушка Йохан и бабушка Хельга. Они называли меня «lieber enkel», дарили мне подарки и плакали, когда мы уезжали. Я обещал, что буду к ним приезжать каждое лето.

Еще я был во Франции. Сейчас там живет моя мама, которая ведет на ютубе канал, посвященный современной моде. Даже когда я в Алматы, я почти каждый день смотрю мамини передачи, и мы как будто вместе. Во Франции у мамы много друзей казахов. Их там живет более двух тысяч. Кажется, мама скоро выйдет замуж за художника по имени Тимур, и у меня появится братик или сестричка. Жаль только, что Тимур совсем плохо говорит по-казахски. Он нарисовал мой портрет, правда, я там на себя не похож, потому что состою из синих треугольников. Но мама говорит, что это крутая абстракция.

Но больше всего мне понравилось гостить в Финляндии. Там живет родная сестра моей мамы, бабушкина старшая дочь, тетя Эва. Она и её муж Пекка служат в полиции. Их дети Хелен и Роберт – мои двоюродные сестра и брат. Они еще маленькие, но очень забавные и ласковые. Вместе с ними живет еще одна моя бабушка, её зовут Анна, и она прекрасно говорит на русском и даже знает некоторые казахские слова. Бабушка Анна хоть и финка, но родилась в Казахстане.

В общем, теперь моя семья – пять бабушек, три дедушки, я, мама, братик с сестричкой, тетя Эва и дядя Пекка.

Получается, моя семья состоит уже не из четырех, а из четырнадцати человек. Мне это нравится, и я счастлив!

Дочитав до конца, Каниша весело рассмеялась.

– По-моему, прекрасное сочинение, да и ошибок я не заметила! Жаль, что Ержанчик забыл написать, как в Финляндии мы ходили на чемпионат по метанию мобильных телефонов.

Каниша встала и, продолжая улыбаться, направилась к двери.

– То есть вы хотите сказать, что это не выдумки? – пропищала психолог и потрясла в воздухе тетрадкой.

– Чистая правда от первого и до последнего слова!

– Пойдите! – Салтанат Кайратовна догнала Канишу и перехватила дверную ручку. – Мы еще не сказали самого главного: он сочиняет про какие-то бриллианты, которые вы нашли у себя в квартире!

– Всё верно! Нашли и сдали государству, которое выплатило нам вознаграждение. Еще вопросы будут?

– То есть Ержан не врет?!

– Нет, конечно! У нас дружная семья, и Ержан растет честным человеком!

В ноябре 2024 года отмечают:

70-летие

Болат Даулетов, писатель
Нуртас Исабаев, поэт

60-летие

Койлыбай Асанов, литературный критик
Дарига Нурашева, поэтесса

50-летие

Жанаим Аугханбай, поэт
Бекжан Аширбаев, поэт
Аскерхан Хуанбай, поэт

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

